

[Polaris]

Ричард Тукер

ГРОБНИЦА ВРЕМЕНИ

Забывтая палеонтологическая фантастика

Том XIV

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXLVIII

Salamandra P.V.V.

**Ричард
ТУКЕР**

ГРОБНИЦА ВРЕМЕНИ

Забывтая
палеонтологическая
фантастика

Том XIV

Salamandra P.V.V.

Тукер Р.

Гробница времени. Пер. Ю. Лекомцева (Забывтая палеонтологическая фантастика. Том XIV). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 126 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXLVIII).

Палеонтологическая фантастика — это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это — захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это — повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

В повести американского фантаста Ричарда Тукера «Гробница времени» участники приватной экспедиции оказываются замурованными в громадной пещере Колорадо — и открывают невероятный подземный мир, населенный динозаврами и расой разумных амфибий.

© Author, estate, 2019

© Yu. Lekomtsev, перевод, 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

ГРОБНИЦА ВРЕМЕНИ

ГЛАВА I

Вторая экспедиция в Пещеру команчей принесла мне глубокое разочарование как ученому, и тем не менее я вернулся домой счастливейшим человеком. Благодарить за это приключение следует не кого иного, как моего друга Роджера Энсона. Роджер был одним из тех богатых и влиятельных наших сограждан, что постоянно финансируют самые различные инициативы во имя научного прогресса. Говоря по правде, его любительский энтузиазм был так велик, что Роджер, следуя он всегда собственным наклонностям, мог бы принести больше вреда, чем пользы. Моя должность помощника куратора Колорадского музея западной и индейской культуры позволила мне в свое время завязать с ним знакомство. Он был старше меня на пятнадцать лет, но настаивал, чтобы я называл его просто по имени. Если верить Роджеру, я всегда выглядел старше и умудренней его, а он-то уж без сомнения казался Томом Сойером, который никогда не состарится.

Когда в то солнечное июньское утро его впустили ко мне в кабинет, я сразу же понял, что затевается какой-то новый проект, и был готов ко всему — от охоты за сокровищами в южных морях до путешествия к эскимосам, сопряженного с поисками останков Руаля Амундсена. Роджер был невысоким, румяным и на вид довольно упитанным, но на самом деле весь состоял из крепких мускулов и мог бы оставить позади многих гораздо более молодых людей, если бы те вздумали повторить его смертоубийственные эскапады во всех уголках дикой природы мира. Сейчас он был вне себя от волнения, которое едва скрывал, а значит, напоминал электрический двигатель, готовый вот-вот взорваться. Его пронизательные голубые глаза, никогда не нуждавшиеся в очках, положительно сверкали. Он уселся в резное кресло из буйволиного рога и оглядел кабинет, заваленный причудливыми трофеями и диковинками — атрибутами моей профессии.

— Боб, — начал он, — прекрасные новости, и я не могу держать их при себе. Вы помните, что я никогда не был до-

волен результатами наших первых исследований Пещеры команчей. Мне все время казалось, что мы осмотрели ее недостаточно тщательно, и теперь Эд Стратерс и Чарли Ван Мар вернулись из охотничьей поездки в Миддл-Парк и подтвердили мои подозрения.

— Надо понимать, они побывали в пещере?

— Да.

Роджер сменил позу с тем затаенным нервным нетерпением, что всегда предшествовало у него вдохновенной вспышке красноречия.

— Я ведь один из лучших друзей Стратерса, своего рода духовник. Он рассказал мне то, о чем никогда бы не поведал кому-то, кому не доверял бы абсолютно. Кроме того, Ван Мар клятвенно заверил, что все это полная правда, и оба были трезвы, как судьи.

— Вы хотите сказать, что они нашли новые залы, которые мы не нанесли на карту?

— Возможно... да, помимо прочего... — он подался вперед, и я понял, что через секунду последует настоящее откровение. — Но меня заинтересовало не это. Они утверждают, что в зале, названном нами Гамлет-холл, слышали какие-то звуки — звуки, похожие на человеческий голос. Более того, они обнаружили след, схожий со следом человека. Должно быть, мы его не заметили. Погодите возражать: я понимаю, что само по себе это ровно ничего не значит. Если бы дело было только в этом, я первым сказал бы, что там прошел современный индеец. Но, по словам Стратерса, тот след был лишь частично человеческим и представлял собой отпечаток, сохранившийся на твердом камне, что говорит о его древнем происхождении. Думаю, это ключ к забытому прошлому, если такой ключ вообще существует.

— Любопытно, — согласился я, — но вряд ли след может принадлежать доисторическому человеку. Вы же знаете, что у нас мало или совсем нет свидетельств существования первобытных людей в Северной Америке.

— А как насчет черепа из Калавераса?* — выпалил он в

* Этот череп был обнаружен профессором Дж. Д. Уитни в округе Ка-

меня давним аргументом. Не успел я ответить, что в отношении черепа из Калавераса не меньше «против», чем «за», как он продолжал:

— Это стоит исследовать, Боб. Если мы сможем найти следы первобытного человека, мы опровергнем множество научных догм, распространенных в Соединенных Штатах. Вас будет ждать слава. Поймите, Стратерс не из тех, кто легко обманывается, а Ван Мар немного разбирается в геологии. Я чувствую, что в их рассказе о следе достаточно данных, чтобы оправдать еще одну экспедицию. И вдобавок ко всему — те голоса. Стратерс и Ван Мар так и не разобрались, откуда они исходили. Как вы помните, Гамлет-холл обладает свойствами огромного вогнутого резонатора. Звуки, издаваемые под землей, часто отдавались эхом или резонировали в тонких слоях этого места, и в то же время мы доказали, что никакие наружные звуки не слышны так глубоко в пещере.

— Вы уверены, что в пещере никто не заблудился? — поспешил предположить я.

— Вот теперь вы добрались до сути, — мгновенно ответил Роджер. — Стратерс уверен, что в голосе было нечто человеческое и вместе с тем неестественное, то есть он отличался от любого звука, который на памяти Стратерса когда-либо исходил из горла человека. Стратерс и Ван Мар принялись кричать, но говоривший не смог дать внятный ответ. Он просто лепетал или причитал, как я понимаю. Они попытались выяснить, откуда он там взялся, но потерпели полную неудачу. В последний раз голос прозвучал словно бы глубоко из-под толщи земли. Сами понимаете, что в таких обстоятельствах два наших сыщика-любителя чувствовали себя не в своей тарелке. Они решили ничего не говорить остальным о том, что услышали. До сих пор они не рассказывали об этом ни единой живой душе, кроме меня,

лаверас (штат Калифорния) в 1886 году; по мнению Уитни, череп свидетельствовал, что в Новом Свете до индейцев жили более древние первобытные люди (*Здесь и далее, помимо отдельно означенных, прим. автора*).

и очень не хотят, чтобы эта история стала известна, так как боятся прослыть парочкой суеверных простофиль.

— Может быть, кто-то из друзей подшутил над ними? — высказал я новое предположение.

— Нет, остальные, то есть проводник и двое других, отправились на охоту, и оба, Стратерс и Ван Мар, уверены, что те не приближались к пещере. Собственно, проводник отказался войти в пещеру из суеверного страха, а другие охотники опасались заблудиться под землей. Они пробовали отговорить и Ван Мара со Стратерсом. Что касается кого-нибудь еще, кто мог оказаться рядом с пещерой, то вы знаете, какое это уединенное место. Даже охотники или трапперы не забредают туда чаще раза в год. Я считаю, что мы должны совершить еще одну поездку в пещеру и изучить этот след, а также углубиться в проходы, которые вы в прошлом году посчитали малозначительными.

— Ну... я мог бы поехать, конечно, — задумался я, — но вы же видите, сколько у меня работы... Вот около пятисот образцов из раскопанных нами курганов близ Оленьей реки, которые мне предстоит классифицировать.

В старых и вечно молодых глазах Роджера загорелся озорной огонек.

— Кстати, Боб, — мягко сказал он, — Уилла безумно хочет поехать со мной.

Я смущенно рассмеялся. Роджер хорошо знал, что я уже давно испытывал особый интерес к его дочери и вряд ли отказался бы сопровождать Уиллу в приключении, которое отдалит ее от всех моих соперников. А их было немало, и не только по причине будущего наследства — Уилла была очаровательна. В ее компании я был готов на любую авантюру, и Роджер это отлично понимал.

— Я подумаю, мистер Эн... Роджер, — поправился я. Несмотря на его протесты, я никак не мог привыкнуть называть его по имени. — Но боюсь, куратор потребует, чтобы я остался, пока эта работа не будет закончена.

— Чушь. Я оплачу все экспедиционные расходы. Этот аргумент всегда на него действует.

Роджер вскочил на ноги, собираясь уходить. Он был в

крайнем волнении и так выпячивал бочкообразную грудь, что пуговицы на жилете трещали.

— Я отправлю припасы в Антлерс, — решительно сказал он. — Пакуйте свое снаряжение, Роберт.

— Из-за вас классификация образцов начинает казаться мне совершенно пресной, — сказал я, провожая его к двери. — В любом случае, Уилле поездка понравится вне зависимости от того, присоединюсь я к вам или нет. Она ведь обожает походы. Будь она мужчиной, я сказал бы, что яблоко от яблони недалеко падает.

Роджер рассмеялся и хлопнул меня по спине.

— С тех пор, как умерла ее мать, она стала больше напоминать сына, чем дочь. Остается надеяться, что вы, Боб, не позволите ей вернуться в райское состояние, когда Адам еще не потерял ребро.

— Звучит так, словно это вы ухаживаете за ней, а я — ее отец, — пробормотал я ему вслед. Из-за двери вновь донесся дружелюбный смех Роджера: уходя, он бросил какую-то шутку секретарше.

Все мои планы работы над коллекцией находок с Оленьей реки были полностью разрушены визитом Роджера Энсона. Я никак не мог сосредоточиться, и причиной был не столько рассказ о следе и потусторонних голосах в Пещере команчей, сколько Уилла. Я обладал достаточным опытом полевых исследований и привык с подозрением относиться к сообщениям непрофессионалов. Мне доводилось сталкиваться с таким количеством диких слухов, основанных на самых тривиальных фактах, что я никак не мог разделить энтузиазм Роджера и поверить, будто пещера действительно таила что-то необычное. Но одна мысль о долгой экспедиции в дебри Скалистых гор бок о бок с Уиллой Энсон придавала этому проекту в моих глазах несказанную важность.

Все еще вздыхая по Уилле и задаваясь вопросом, смогу ли я когда-нибудь преодолеть свой комплекс неполноценности и попросить богатую наследницу стать женой скромного ученого, я зарылся в свои папки и извлек карты Пещеры команчей, а также ящичек с образцами, собранными в прошлом году, когда Роджер Энсон финансировал мои пер-

вые исследования этого места.

Согласно карте, к Гамлет-холлу вел лишь один проход, который мы окрестили Радужным проспектом. Я вспомнил Гамлет-холл, колоссальную полость со стенами, почерневшими от окиси марганца; мрачное величие каверны и подсказало Роджеру Энсону ее название.

Я подобрал в пещере кремневые орудия, скребки и каменные топоры, но все они были обнаружены вдалеке от Гамлет-холла, находившегося в несколько сотнях футов под землей и более чем в двух милях от входа в пещеру. Тем не менее, я был склонен думать, что след, о котором сообщили охотники, принадлежал индейцу современной эпохи. Вероятно, его нога соскользнула, когда он ступал по не окончательно отвердевшей грязи, и оттого отпечаток был смазанным и выглядел несколько непривычно.

Я углубился в описание Пещеры команчей и взволнованно вздрогнул, когда зазвонил телефон и голос Уиллы Энсон отозвался на мое ленивое «алло».

— Папа позвонил и сказал, что на следующей неделе мы отправляемся в Пещеру команчей, — сказала она со своей обычной обезоруживающей прямоотой.

— Я пытаюсь как-то избавиться от работы по классификации находок с Оленьей реки, — ответил я. — Вы знаете, что я хочу поехать, Уилла, но, честно говоря, не из-за этих рассказней о следах и мистических голосах.

Она восхитительно рассмеялась.

— В вас можно читать, как в раскрытой книге, Боб. Мы проведем в горах лучшее время в нашей жизни. Верю, вы сможете убедить старину Тэлбота, что дело важное и что от такой возможности отказываться нельзя. И последнее: решайте поскорее, мистер Роберт Лэнгтри, потому что, если вы не поедете, я упрошу папу пригласить с нами Джима Шелдона.

Шелдон, молодой инженер, уже некоторое время пытался ухаживать за Уиллой. Денег у него было не больше моего, но одно упоминание этого имени стало для меня сигналом смертельной опасности. Я поспешно и бесповоротно решил отправиться в Пещеру команчей с Роджером Энсоном

и его единственной дочерью, даже если это будет стоить мне должности, что вызвало взрыв мелодичного смеха на другом конце провода. Затем Уилла положила трубку.

Полчаса спустя я позвонил куратору по телефону, как мог преувеличил важность планируемой экспедиции в Пещеру команчей и договорился, что для классификации находок с Оленьей реки вызову одного из наших полевых исследователей. Снаряжение для путешествия в горы лихо-радочно собирал уже не муж науки, а влюбленный. Я не испытывал ни малейшего предчувствия, что впереди меня ждет величайшее приключение, когда-либо дарованное человеку богами случая и сокрытых тайн земли.

ГЛАВА II

К тому времени, как мы упаковали и отправили наш багаж в Антлерс, ближайшую к пещере железнодорожную станцию, я успел позвонить Стратерсу и Ван Мару. Я хотел узнать подробности об их находке из первых рук. У меня было смутное подозрение, что эти спортсмены затеяли какой-то розыгрыш, однако их искренность не вызвала сомнений. Пещера, по их мнению, таила секрет, граничащий с чем-то сверхъестественным. Их рассказы не только совпадали в целом, но и отличались теми нюансами впечатлений, которые всегда характерны для явления реального, но воспринятого с двух разных точек зрения. Было и дополнительное доказательство того, что Стратерс и Ван Мар говорили правду — оба просили меня никому не рассказывать о причине новой экспедиции в Пещеру команчей; Роджер и Уилла уже пообещали им держать язык за зубами.

Мы выехали из Денвера, не побеседовав ни с кем из репортеров, так как не были уверены в разумности нашего предприятия и не имели никакого желания публично признать неудачу по возвращении из экспедиции на поиск «голосов духов» и предполагаемого сатанинского следа в Пещере команчей.

Ближе к вечеру мы добрались до Антлерса, где без особого труда нашли подходящих вьючных и седельных лошадей, а также надежного проводника или, скорее, конюха — ведь дорогу к пещере мы прекрасно могли найти и без него. Роджер заявил, что сам присмотрит за упаковкой вьюков, и мы с Уиллой до темноты гуляли под широкохвойными соснами в лесу, окружавшем городок. Когда мы снова встретились в Роджером в большом бревенчатом здании гостиницы, где нам предстояло провести последнюю ночь в цивилизованном мире, он все еще кипел энтузиазмом.

— По-моему, мы наняли того же проводника, что и партия Стратерса и Ван Мара, — сообщил Роджер. — Стоило мне упомянуть о Пещере команчей, как он посмотрел на меня круглыми глазами и сказал, что это «чертовски хорошее ме-

сто, чтобы держаться от него подальше, Богом клянусь».

Утром, к окончанию завтрака, наша кавалькада была готова. Семь лошадей ждали во дворе под присмотром проводника, которого Роджер со своей обычной невозмутимой фамильярностью уже называл «Питом». Желтозубая ухмылка Пита и стройная, изящная Уилла в костюме для верховой езды цвета хаки не могли не привлечь внимания, тем более что Антлерс и так бурлил от любопытства благодаря таинственным и, вероятно, опасным на вид инструментам, торчавшим из нескольких выюков. Я захватил с собой для использования в пещере несколько специально изготовленных электрических фар или налобных фонарей и хорошую камеру для работы со вспышкой. Кирки, лопаты, динамит и месячный запас провизии были погружены на трех выючных лошадей, прочее разместилось в наших седельных сумках.

Как мы определили во время предыдущих поездок, до Пещеры команчей было около пятидесяти миль — и едва ли хоть один фут пути находился на уровне земли. Весь первый день мы медленно, но неуклонно продвигались вперед и к вечеру достигли отрога, откуда открывался великолепный вид на Миддл-Парк и Передовой хребет*. Здесь мы спустились к берегу быстрого горного ручья и разбили лагерь. За день мы проделали половину пути к пещере и почти не чувствовали усталости после этой долгой прогулки верхом, однако две лошади зашибли ноги о камни и хромали.

На следующий день мы продвигались еще быстрее, хотя нам пришлось с некоторым риском подниматься по узким тропам среди утесов. В полдень мы увидели гору с тремя вершинами, отмечавшую окрестности Пещеры команчей. Громадные леса, подпорченные огнем и топором, то исчезали, то поднимались со всех сторон, и дикий, суровый ландшафт постоянно менялся, как огромная и бесконечно разнообразная кинолента.

Роджер уже начал хвастаться нашей необычайной удачей, когда на последнем крутом подъеме одна из выючных

* Хребет в Южной части Скалистых гор (*Прим перев.*).

лошадей споткнулась и упала, скатившись к подножию склона. Несчастное животное почти не пострадало, но двести фунтов провизии рассыпались вокруг. Лишь в сумерках мы закончили с вьюком и двинулись по извилистому ущелью и последнему отрезку тропы к хижине; там нам предстояло оставить лошадей и дальше идти пешком.

Хижину мы нашли в хорошем состоянии. В ней зимовал какой-то траппер, но оставил все внутри лишь самую малость грязнее, чем прежде. К югу от небольшой полянки сквозь редкие заросли красных елей поблескивали тихие воды Буш-Крик. Мы были почти в миле от пещеры, которая находилась по другую сторону почти вертикальной стены на западе.

После десяти часов сна в несравненной атмосфере Западного Колорадо мы были готовы к любому начинанию. Уилла настояла на том, чтобы взять на себя часть работы по укладке вещей, и к десяти утра мы уже карабкались вверх по склону к Пещере команчей, нагруженные провизией. Мы оставили лошадей стреноженными в ущелье внизу, сложив наши пожитки в хижине, где крепкие дубовые стены обезопасили их от любопытных медведей и волков — единственных мародеров, которых стоило бояться.

Два часа спустя, несколько утомленные долгим восхождением, мы начали спускаться по западному склону большого хребта к известняковому пласту, под которым простиралась Пещера команчей. Уилла первой заметила пещеру — видимо, потому, что несла самый легкий рюкзак и могла уделять больше времени и энергии наблюдениям.

— Боб, я вижу пещеру! — крикнула она.

Мы остановились. Склон был такой крутой, что приходилось чуть ли не ложиться на спину из опасения упасть грудью вперед.

— Это ложный вход, — сказал я, проследив за движением ее пальца. Уилла указывала на огромную, заросшую кустарником впадину на склоне ущелья. Однако главный вход в пещеру находился прямо под нами, где осыпь, по которой мы спускались, переходила в небольшое плато. Теперь мы находились в бассейне реки Колорадо. К югу от нас лежали го-

ры Васкес, а почти прямо к западу — знаменитое Красное ущелье.

Через несколько минут мы, шатаясь, выбрались на широкую, выложенную песчаником площадку у входа в пещеру. Сарай, что мы с Роджером построили год назад для хранения наших припасов, оказался даже в лучшем состоянии, чем хижина по другую сторону утеса, так как ни один траппер до нее не добрался. Правда, Роджер обнаружил мешок из-под муки и несколько пустых ружейных гильз, оставленных, как он предположил, охотничьим отрядом Стратерса и Ван Мара. Я не стал спорить. В тот момент меня самого поразило, как мало я интересовался практическими делами экспедиции. Рядом с Уиллой я чувствовал себя, как во сне.

Отдохнув в тени карликовых сосен, усеивавших небольшое плато — будущую штаб-квартиру нашей подземной деятельности — я повел Уиллу к главному входу в Пещеру команчей. Вся местность на уровне выходов известняка обнаруживала следы подземных пустот, и я по возможности подробней описал общую протяженность и расположение галерей, которые пронизывали гору с севера и востока. Свод у входа был довольно низким; чтобы войти в пещеру, приходилось нагнуться. Но ширина отверстия достигала почти пятидесяти футов, и в нескольких ярдах от склона горы пол круто уходил вниз, в то время как потолок оставался относительно ровным. Я объяснил все это Уилле, поскольку она прежде не бывала в пещере.

В наше отсутствие Пит взял на себя обязанности лагерьного повара и, когда мы вернулись, нас уже ждала горячая еда. К часу дня мы вновь начали подниматься к Буш-Крик, направляясь за второй и последней в тот день партией груза. Пит высказывал все больше сомнений относительно пещеры и наших планов ее исследования.

— Я не полез бы в эту дыру и за миллион долларов, — признался он, вытирая свой загорелый лоб шейным платком в минуту отдыха.

— Ну, я не собираюсь предлагать тебе два миллиона, так что держись от нее подальше, — раздраженно сказал Роджер. Он растер ногу, на стопе вздулся болезненный волдырь,

и походка Роджера больше напоминала игривые движения танцовщицы, пляшущей между обнаженными мечами.

В течение следующих трех дней мы переносили к пещере припасы и инструменты. Большая часть провизии осталась у Буш-Крик: Пит должен был доставить припасы, когда они нам понадобятся. Как-то раз, когда нас не было, лошадей, по всей видимости, напугал медведь. Три лошади сорвались с привязи, но Пит оседлал одну из оставшихся и вскоре пригнал беглянок обратно к ручью, где мы без особых затруднений их поймали. В остальном во время этой кропотливой подготовки к настоящей работе в Пещере команчей нам сопутствовала удача.

По мере того, как мое увлечение Уиллой Энсон росло, мой интерес к подземному приключению угасал. Все, что привело нас сюда, казалось мне плодом распаленного воображения и страхов двух исследователей-дилетантов. Мнение Роджера было прямо противоположным, да и Уилле не терпелось увидеть загадочный след в Гамлет-холле. Мне подумалось, что жалкий дикарь, вероятно, оставивший этот след несколько веков назад, и представить себе не смог бы, что его физическим или духовным наследием будет интересовать такая красавица.

На следующий день после того, как последняя часть груза была перенесена к пещере и Пит остался один с лошадьми, мы с Уиллой совершили короткую экскурсию в пещеру, захватив с собой кирку и электрический фонарь. Нога Роджера болела так сильно, что он решил отдохнуть перед спуском в Гамлет-холл.

Как я и предполагал, Уилла была несколько разочарована своей первой вылазкой во внешние коридоры и залы Пещеры команчей. Она сказала, что мысленно сравнивала ее с пещерой Уайандот в Индиане, в которой побывала в качестве туристки, и что последняя показалась ей гораздо более замысловатой и живописной, чем Пещера команчей или, по крайней мере, осмотренный участок.

— Подождите, пока мы не доберемся до внутренних залов, — подбодрил я Уиллу на пути к выходу и залитому солнцем склону горы. — Вы увидите некоторые достопримеча-

тельности, ничем не уступающие пещере Уайандот и даже Мамонтовой пещере*. А если мы вдобавок услышим таинственные голоса Стратерса, то испытаем такой трепет, что волосы дыбом встанут. Знаете, между нами говоря, не очень-то весело слышать нечто подобное в полумиле под землей, когда от чернейшей ямы ада тебя отделяют лишь несколько спичек и маленькая батарейка.

Уилла вздрогнула.

— Я не против темноты, — сказала она, — но избавьте меня от этих голосов.

И я подумал, что если бы она всегда так шла рядом, почти касаясь меня, я с радостью бросил бы вызов всем колдуньям Аэндора в самом сердце зачарованных катакомб Ламии**.

* Эти две пещеры в США с XIX в. служат туристическими достопримечательностями; Мамонтова пещера в Кентукки является частью самой длинной в мире пещерной системы Мамонтова-Флинт-Ридж (*Прим. перев.*).

** Аэндорская колдунья — в Библии волшебница, вызвавшая дух пророка Самуила для предсказания судьбы царя Саула (I Цар. 28); Ламия — в древнегреческой мифологии возлюбленная Зевса, превращенная в пожирающее детей чудовище, позднее соблазнительный кровожадный призрак и т. п. (*Прим. перев.*).

ГЛАВА III

Мы сошлись на том, что крики, которые слышали охотников, могли исходить от кого-то, заблудившегося в пещере; и хотя мы не могли рассчитывать, что человек этот до сих пор жив, мы все-таки чувствовали себя обязанными обыскать все проходы, прежде чем сосредоточить свое внимание на Гамлет-холле.

К воскресенью воспаленная нога Роджера практически пришла в норму, и мы провели весь выходной, занимаясь снаряжением. Неприятно было думать, что где-то в непроглядно темных пустотах под горой мы можем обнаружить труп, но даже Уилла не выказывала брезгливости по этому поводу. Что касается Роджера, то он был совершенно уверен, что источником таинственных звуков никак не являлся какой-нибудь заблудившийся путник.

Тем не менее, за завтраком в холодное утро понедельника мы представляли собой довольно мрачную троицу искателей приключений. Роджер, вопреки обыкновению, редко отпускал шутки, а Уилла, как мне показалось, порой вздрагивала. Сам я был более или менее спокоен. Пока мы прилаживали и застегивали многочисленные ремни, мне удалось вытянуть из Роджера несколько острот, и к тому времени, как мы нырнули под каменную полку у главного входа в пещеру, все пришли в веселое и уверенное расположение духа.

Мы с Роджером несли два больших фонаря. Батареи располагались у нас на спине, а лампы были укреплены на лбу специальными ремешками. Кроме того, у нас были с собой кирка и лопата, несколько динамитных пашек с запалами и капсюлями, а также шагомер. В рюкзаке Уиллы поместилась фляга и провизия на два приема пищи; туда же мы положили моток тонкой, но прочной веревки и большой карманный фонарик. Если не считать альпенштоков, руки у нас оставались свободны. В преддверии опасного спуска мы заранее надели на носки и каблуки ботинок острые кошки. В особо угрожающих местах мы собирались идти в связке,

сцепившись короткими тросами, которые пристегивались к кольцам на поясах. Для защиты от бродячих животных, которые могли встретиться в подземных переходах, мы прихватили крупнокалиберные пистолеты.

Пещера Команчей находится на территории, где преобладает команчская геологическая система, от которой она и получила свое название. Однако, благодаря сдвигам пород, сами полости в основном расположены в сером известняке — остатке нижнего карбона. Пройдя через западный вход и углубившись в этот лабиринт гротов и туннелей, путешественник погружается в стигийскую тьму. Далее путь ведет вниз по крутому склону, усыпанному валунами и веками накапливавшимися здесь останками диких животных. Кристаллические образования на стенах и потолке вспыхивают и мерцают в свете факела исследователя, в то время как кажущаяся бездонной пропасть впереди постоянно отступает назад. Запустение и глубина этого громадного провала подсказали мне название, помеченное на карте — Врата Ада.

Внизу, у подножия Врат Ада, тянется ровный слой азотистой почвы, весь покрытый старыми и новыми следами. Неосторожный исследователь, дивясь игре света на куполе над головой и обманутый нетронутым на вид участком почвы, легко может встретить свою смерть в прямоугольной яме глубиной более двухсот футов по прямой линии. Эта расселина обозначена на карте как Дыра Люцифера. Проходя мимо, мы с Роджером крепко держали Уиллу за руки, опасаясь, что она может подойти слишком близко и потерять равновесие на краю. Предосторожность оказалась не лишней, поскольку миг спустя Уилла произнесла:

— Я ощущала какое-то ужасное очарование этой дыры. Меня словно затягивало в нее.

— Конечно, — мрачно отозвался я. — Мы с Роджером чувствовали то же самое, когда впервые побывали здесь.

От зала с Дырой Люцифера ответвляются несколько коридоров. Мы задержались у каждого, но, не получив никакого ответа на свои крики, продолжали путь по главному туннелю, намереваясь сперва добраться до Гамлет-холла и

уже затем приступить к утомительному исследованию боковых проходов. Мы были не более чем в двухстах ярдах от Дыры Люцифера, когда в луче лампы Роджера внезапно блеснули глаза какого-то дикого зверя, приближающегося к нам. Был ли это медведь, волк или дикая кошка, мы так и не узнали: зверь свернул, кинулся в боковой коридор и исчез, прежде чем мы успели выхватить пистолеты. Проходя мимо черного прохода, где скрылся зверь, мы слышали вдалеке топот его ног, невероятно усиленный акустическими свойствами пещеры.

— Будь этот бедолага так же испуган, как я, он не сумел бы убежать, — пошутил Роджер, когда мы поспешили к стене тьмы, все приближавшейся под лучами наших фонарей.

Постепенно спускаясь на несколько сотен ярдов, центральный коридор вдруг резко уходит вниз. В этом месте скопление белых как мел сталактитов и сталагмитов создает впечатление огромных челюстей и зубов в зияющей пасти, громадной, как у кита.

Прежде, чем спуститься по предательскому склону, мы привязались друг к другу тросами и, еще не достигнув дна, слышали низкий рокот Ревущей реки. Со всех сторон нас окружали сталактиты, наши гигантские изломанные тени танцевали позади, и мы чувствовали, что словно находимся в ином мире. Это ощущение усиливалось нарастающим ревом подземного потока.

За еще одним крутым поворотом коридора мы протиснулись через проход, заставленный массивными белыми колоннами, и вошли в Черное ущелье, по дну которого текла Ревущая река. Грохот несущейся воды стал таким громким, что мы могли только перекрикиваться. Свет фонарей потускнел, лучи их рассеивались пленкой влаги, осаждавшейся на стеклах. Держась на безопасном расстоянии от брызг, которые то и дело вылетали из пропасти, мы прошли по правому берегу ущелья к природной алебастровой арке, перекинутой через поток. Арка была округлой и скользкой, и даже с кошками на ботинках, крепко цепляясь руками, мы с трудом сохраняли равновесие. Само сознание опасности и вид этого угольно-черного, клубящегося пеной ущелья

были достаточным испытанием для самой сильной воли.

Я вздохнул с облегчением, когда мы достигли огромного известкового выступа на другой стороне ручья, а Роджер провел рукой по лбу, покрытому капельками пота.

— Это единственное опасное место во всей пещере, которое все еще пугает меня, — признался он.

— Куда течет эта река? — вздрогнула Уилла, испуганно оглядываясь назад.

— Никто не знает, — ответил я. — Вода падает в пропасть в нескольких сотнях ярдов от арки. Поток, вероятно, впадает в каком-нибудь каньоне в один из притоков реки Колорадо.

Мы никак не могли прийти в себя, пока грохот Ревущей реки не сменился слабым журчанием далеко позади и в качающемся свете ламп не замерцали красоты цветных скал и геликтитов*. По сторонам, над головой и под ногами снова начали открываться бесчисленные провалы и коридоры и, хотя я был убежден в безнадежности этих попыток, Роджер настойчиво кричал в каждую щель. Станные акустические фокусы, которые пещера проделывала с нашими голосами, иногда забавляли и часто поражали. Помню, Роджер склонился над одной глубокой расселиной; затем мы прошли еще некоторое расстояние, и вдруг его голос с ужасным уханьем загремел позади из темноты.

После Храмового свода, как мы называли полость в самом центре пещеры, галерея сворачивала почти прямо назад, и мы долго шли, прежде чем добрались до Радужного проспекта, единственного известного прохода в Гамлет-холл. Путь был чрезвычайно труден, ведя через ряд террас, чередовавшихся с узкими расщелинами. Провалы и сталактиты постоянно преграждали дорогу, и часто мы были вынуждены прыгать на несколько футов вниз с террасы на террасу или перескакивать через глубокие трещины, иногда спускаясь с помощью веревок там, где перепад высоты не позволял спрыгнуть. Серые, шерстистые летучие мыши, несясь

* Причудливые кристаллические образования в карстовых пещерах в виде ветвящихся палочек, пластин и т. д. (*Прим. перев.*).

волял спрыгнуть. Серые, шерстистые летучие мыши, несясь в своем сверхъестественно чувствительном полете, часто задевали наши лица, и мы дважды оказывались в кавернах, буквально кишевших светло-коричневыми сверчками. В одном месте Роджер упал, и его лампа погасла; мой фонарь погас почти одновременно, когда я попытался удержать его. На несколько секунд мы погрузились в чуть ли не осязаемую тьму — ощущение, которое невозможно в полной мере испытать, не оказавшись в полумиле под землей, в таком тесном и узком коридоре, что возникает безумное чувство, будто тебя похоронили заживо.

Наконец, едва не валясь с ног от усталости, мы достигли Радужного проспекта. Для видящего ее впервые эта прекрасная галерея безусловно оправдывает все тяготы пути. Громадные гипсовые балки и арки из переливающихся кристаллов поддерживают своды длинного прямого коридора, постепенно уходящего вниз. На протяжении тысячелетий природные кислоты вырезали в известковых отложениях необыкновенные фигуры, и повсюду виднеются сказочные павильоны, розетки, горгульи и прихотливые скульптуры из алебаstra.

На полпути к Гамлет-холлу проход расширяется и превращается в овальную сводчатую полость дымчато-фиолетового цвета. Сюда просачиваются воды подземных источников, и в углублениях пола стоят удивительно прозрачные и неподвижные лужи. По зеркалам этим бассейнов, как причудливые камни, разбросаны странно изъеденные розовые и ярко-желтые островки, напоминающие коралловые рифы в глубинах океана.

Мы немного промокли, прежде чем пересекли Зачарованный грот, как назвал это место Роджер. Если не считать испуганного крика Уиллы, подцепившей носком ботинка слепого рака, мы преодолели последний участок Радужного проспекта без происшествий, и через полчаса углубились в темную сеть коридоров в южной оконечности Гамлет-холла. Никакие известковые образования не нарушали здесь гнетущую монотонность темноты. Блестящие поверхности вулканических пород со всех сторон и под разными угла-

ми отражали свет наших фонарей, и мы вздрагивали и уворачивались, как будто на нас под облачным ночным небом летел поток автомобилей.

Из-за искаженных отражений света и многочисленных галерей вход в Гамлет-холл представляет собой настоящий лабиринт. Мы очень медленно и осторожно продвигались по ответвлениям коридоров, опасаясь неожиданно потерять дорогу. Компас был бы в пещере бесполезен по причине магнитного воздействия минеральных отложений.

Только когда мы добрались до южной части длинного мрачного склепа, я понял, что проголодался. Взглянув на часы, я обнаружил, что была уже половина первого. Мы пробыли под землей почти пять часов, и наши остановки у боковых коридоров и крики в темноту заняли больше времени, чем я предполагал, поскольку обычно мы добирались до Гамлет-холла за два часа.

Покричав еще и лишь наполнив зал беспорядочными звуками, мы съели холодный ленч, запили его водой и двинулись к северному краю Гамлет-холла. Это была самая глубокая часть пещеры, известная нам с Роджером. Она находилась почти в двух милях от входа и более чем на шестьсот футов ниже поверхности земли. Здесь мы были ближе к уровню моря, чем в любой доступной точке в этой части Скалистых гор. Однако циркуляция воздуха по Радужному проспекту поддерживала в зале приятную прохладу, и мы, не испытывая никаких неудобств, начали осматривать пол в поисках следа, о котором сообщили охотники.

— Возможно, нам придется разделить Гамлет-холл на участки и обыскать пол дюйм за дюймом, — сказал я наконец, устав от безуспешных поисков. Но уже в следующую минуту удивленный крик Роджера заставил нас броситься к западной стене зала. Сведя вместе лучи наших фонарей, мы с безмолвным изумлением смотрели на замечательный отпечаток в толще камня — несомненно, след, который так взволновал Стратерса и Ван Мара.

Отпечаток, запечатленный в слое затвердевшего ила, должно быть, принесенном много веков назад потоком, воды которого позже отступили, отличался необычайным со-

вершенством в деталях. Пятка, безусловно, была похожа на человеческую, но пальцы были заострены, как когти, и соединены чем-то напоминавшим широкие перепонки, чьи внешние края, хоть и с трудом, можно было различить при ближайшем рассмотрении. Я никогда не видел ничего, даже отдаленно схожего с таким следом, и не мог припомнить ни одного современного или доисторического животного, которое могло бы его оставить.

— Вы и теперь скажете, что Стратерс суеверен, как индеец? — торжествующе воскликнул Роджер.

— Я такого не ожидал, — признался я.

— Мне кажется, это след гигантской лягушки, — сказала Уилла. — Похоже, она ушла прямо в эту скальную стену.

Я направил луч лампы влево и обнаружил, что Уилла была права. Стена зала располагалась менее чем в ярде от следа, и пальцы на отпечатке были направлены в ее сторону.

— Завтра мы захватим фотокамеру, — сказал я, стараясь подавить волнение. — И немного гипса для отливки: это стоит того, чтобы сделать слепок. Судя по форме пятки в сочетании с перепончатыми пальцами и когтями, след мог оставить предок человека, находившийся на рептильной стадии эволюции.

— Амфибия, значит? — фыркнул Роджер, который не мог скрыть своего ликования по поводу нашей находки. — Ну-ка, скажите теперь, чем объясняется шум? Как видите, охотники не солгали насчет отпечатка ноги и, следовательно, были не так далеко от источника голоса.

— Могу заверить вас в одном, — с профессиональным достоинством ответил я. — Существо, оставившее этот след, уже миллион лет не издает ни звука. Оно умерло еще в мезозойскую эру.

— В мезозое! — воскликнула Уилла. — Да ведь это был век рептилий.

— Верно, — подтвердил я. — Величайшая эпоха рептилий И из всех ее периодов самые крупные формы жизни мы обнаруживаем среди окаменелостей команчской системы. Мы действительно наткнулись на странный ключ к прошлому.

Роджер встал, направив фонарь на стену зала.

— Боб, следы не проходят мимо, — объявил он. — Это существо куда-то ступило, и следующий отпечаток должен находиться по другую сторону этой стены.

С этими словами он ударил по стеклянистому, испещренному прожилками камню, и мы вздрогнули от глухого эха.

— Это ничего не значит, — поспешил сказать я. — Залы пещеры изменились с тех пор, как были оставлены следы. Нет даже одного шанса из миллиона, что мы когда-нибудь найдем парный отпечаток. Чудо, что этот сохранился.

Поразительное свидетельство в виде следа неведомого существа потрясло меня больше, чем я готов был признать. Я едва осмеливался задуматься о том, к какому пересмотру научных теорий могло привести такое открытие. Несколько раз я начинал подозревать, что зрение мне изменяет, но удивительный контраст между пальцами рептилии и почти совершенной антропоидной стопой и пяткой был налицо. Не успел я закончить измерение следа — он оказался немногим длиннее обычной человеческой ступни, хотя и гораздо шире в пальцах — как Роджер и Уилла начали колотить по стенам зала, прислушиваясь к глухим отзвукам.

— По ту сторону этой стены есть еще что-то, кроме твердого камня, — без обиняков сказал Роджер.

Не отвечая, я ударил альпенштоком по полу в том месте, где глазурованная порода была свободна от слоя затвердевшего ила. Я был удивлен, услышав тот же глухой звук, который исходил при ударе от некоторых участков стены. Простукивая пол в разных местах, я обнаружил несколько мест, где каменная прослойка, видимо, была чрезвычайно тонкой.

— Вы правы, — сказал я. — Гамлет-холл, должно быть, похож на ячейку в пчелиных сотах. Но я думаю, что нам следует вести себя осторожнее. Наши удары могут вызвать обвал.

Мое предостережение произвело должное впечатление на Роджера и Уиллу. Они перестали стучать по камням и

молча стояли, пока я помощью кирки сгребал в кучу каменные осколки, отмечая место, где был найден след.

Через несколько минут мы вернулись на Радужный prospect и двинулись к поверхности. Мы твердо решили вернуться на следующее же утро и запечатлеть наше открытие посредством камеры и гипсовой отливки. Важность находки несколько уменьшило наш интерес к поискам гипотетического заблудившегося путешественника; тем не менее, мы сочли себя обязанными исследовать как можно больше боковых проходов. Наконец стрелки часов сообщили нам о приближении ночи.

Окольный путь через юго-восточную часть пещеры оказался неимоверно удачным для науки, так как нам суждено было сделать еще одно ценное, если не чудесное открытие. Мы находились тогда, судя по шагомеру, на расстоянии 1320 футов от главного коридора, в широком и низком зале с причудливыми папоротниковидными образованиями, которые напомнили нам в свое время о тропическом болоте Эверглейдс во Флориде. Уилла направила луч фонарика на маленькую нишу справа, и ее испуганное восклицание заставило нас с Роджером броситься к ней.

— Тело! — только и произнесла она, когда мы осветили внутренность ниши.

Человеческий скелет лежал лицом вверх на полу, ногами к нам, сверкая белизной под мощным светом. На первый взгляд, все кости были на месте. Скелет наполовину ушел в известняковые наслоения; череп, как я увидел, принадлежал к аборигенному типу.

Оценив глубину конкреции, в которую были вмурованы кости*, я обернулся к Роджеру и Уилле.

— Лет пятьсот назад это решило бы загадку плачущего голоса, — сказал я. — Останки, несомненно, принадлежат ин-

* Ученые подсчитали, что некоторые пещерные образования растут со скоростью .0254 см в год, благодаря чему иногда можно определить возраст подземных доисторических останков.

дейцу. Если бы мы раскопали здесь пол, то скорее всего нашли бы очень хорошие кремни шопонов.

Пока Уилла и Роджер зачарованно наблюдали за происходящим, я осторожно извлек череп и прикрепил его к поясу обрезком шнура. У ниши я оставил еще одну пирамидку из каменных осколков, чтобы отметить это место для будущей фотосъемки.

На закате мы выбрались из Врат Ада и погасили фонари. Лучи заходящего солнца успокаивали взгляд после многочасового напряжения глаз под землей, но мы не сознавали всю степень нашей усталости, пока не увидели лагеря. До нас донесся запах горячего кофе.

— О, Ява! Ароматы Явы! — в восторге воскликнул Роджер, ускоряя шаг.

Аромат кофе вскоре нашел объяснение: из сарая вышел Пит, явно обрадованный тем, что мы остались в живых. Он сказал, что принес груз провизии, включая четверть медвежьей туши. Он продолжал рассказывать, как тревожился за нас, а я тем временем развязал шнур и поднес череп к его лицу.

— Что скажешь об этом трупе, Пит? — спросил я.

Он в ужасе всплеснул руками.

— Боже всемогущий! Откуда вы взяли этот череп?

Я драматически указал вниз.

— Он лежал как раз у тебя под ногами или самую малость в стороне, — безжалостно заявил я. — Этот индеец был уже мертв, когда Колумб открыл Америку.

Моя приятная шутка возымела неожиданные последствия. Пит, как оказалось, был очень оскорблен моими представлениями о смешном. Я рассыпался в смиренных извинениях, но он отказался и слушать, не стал дожидаться ужина и сразу направился обратно к Буш-Крик. Последним, что я от него услышал, было невнятное замечание, что-то вроде:

— У этих ученых нет души.

Итак, мы в одиночестве приготовили и съели сытный ужин, состоявший из медвежьих бифштексов и поджаренного хлеба — жаль только, некому было оценить наши сооб-

ражения относительно Пещеры команчей и чудесных находок. Наконец мы завернулись в одеяла, не переставая раздумывать о пещере. В моем случае, по крайней мере, это было именно так: даже любовь к Уилле Энсон и волнующие мечты когда-нибудь открыться ей на время уступили место размышлениям о том, куда вели странные следы и чем мог объясняться таинственный голос в подземном мире.

ГЛАВА IV

На следующее утро мы и думать забыли о чувствительности и суевериях Пита. Едва ночная роса начала таять под лучами солнца, как мы уже стали спускаться в бездну Врат Ада, добавив к своему снаряжению камеру.

По пути к Эверглейдс мы прошли через большую часть коридоров, на осмотр которых у нас не хватило времени накануне. Но у нас не осталось ни малейшей надежды найти останки заблудившегося путника. Если у голоса, услышанного охотниками, и существовало объяснение, искать его следовало в Гамлет-холле.

Нога Роджера снова давала о себе знать, однако продвигались мы на сей раз гораздо быстрее. К десяти часам мы сфотографировали скелет в Эверглейдс и углубились в проходы, ведущие к Радужному проспекту. Мы отдохнули и пообедали в Зачарованном гроте и вошли во внешние галереи Гамлет-холла вскоре после полудня.

— Сделаем несколько хороших снимков отпечатка, исследуем оставшуюся часть пола и посмотрим, не сможем ли мы найти парный след, — вслух планировал я.

— К черту парный след, — нетерпеливо сказал Роджер. — Я хочу увидеть, что скрывается за стеной. А след пробыл там миллион лет и никуда от нас не денется.

— Верно, — согласился я. — Но, когда мы начнем долбить стены, камни могут обрушиться и похоронить под собой пол пещеры. Необходимо хорошенько запечатлеть отпечаток, прежде чем мы рискуем уничтожить Гамлет-холл. Я думаю, понадобится динамит, чтобы пробить стену.

Немного погодя мы добрались до Гамлет-холла. При мысли о его странной тайне мы погрузились в благоговейное молчание. Я долго возился с фокусировкой камеры и стойкой для вспышки — пришлось очистить целый участок пола, чтобы установить ее ровно. Удары моей кирки звенели и отдавались в зале потусторонним эхо. Затем я перенес камеру на новое место, чтобы сделать снимок с другого ракурса; это вновь потребовало расчистки пола. Мы все уверены, что имен-

но удары кирки послужили непосредственной причиной случившегося. Я вставлял в камеру новую пластинку, когда раздался звук, заставивший нас троих окаменеть.

Казалось, он доносился слева, из полости, примыкающей к Гамлет-холлу и расположенной чуть ниже. Сперва это был просто лепет, как будто ребенок что-то напевал себе под нос, но потом он быстро перешел в вой, похожий на завывания койота, а вскоре в странный шлепающий звук.

— Боб! — воскликнула Уилла, схватив меня за руку.

— Тише! — предостерег я, едва осознавая, что говорю. Звук раздался снова, теперь немного ближе, как будто что-то подошло к стене. Снова пронзительная трель, затем демонический смех. Завывания зазвучали диким тремоло, внезапно понизились до глухого басовитого ворчания, последовал тот же шлепающий звук — предвестник полной тишины.

Я приблизился к стене, за которой завывал пленник, и постучал кулаком по камню, скрывавшему за собой, как мне показалось, пустое пространство.

— Эй! — крикнул я. — Эй! Кто вы?

Я прислушался, затаив дыхание и прижав ухо к резонирующей каменной поверхности, но не расслышал за стеной никаких признаков движения. После голос зазвучал снова, словно удаляясь и уходя вниз. На сей раз мы услышали только воющий смех или отголоски вокального припадка, напоминавшие хохот. Мы слушали, пока звук не затих где-то под нами.

Я вновь забарабанил по стене, продолжая кричать, но ответа не было.

Я обернулся к Роджеру и Уилле и увидел, что они в оцепенении усталились на черную стену. Их налобные фонари освещали участок, за которым звучал голос.

— Должно быть, какой-то акустический феномен, — пробормотал я, едва ли веря собственным словам.

— Феномен моей бабушки! — воскликнул Роджер, внезапно оживая. — Вот что слышал Стратерс. Вот что оставило этот след. Давайте пробьем стену.

Он двинулся вперед с киркой наперевес, но я преградил ему путь.

— Еще рано, — сказал я. — Нужно во всем разобраться. Мы можем оказаться на пороге чего-то невообразимого. Если мы станем действовать опрометчиво и совершим ошибку, то всю жизнь будем сожалеть об этом.

Уилла уже подошла к стене и внимательно осматривала ее с помощью налобного фонаря, очевидно, выискивая признаки отверстия. Камера и след были тут же забыты, и мы последовали примеру Уиллы. Но, хотя голос звучал так отчетливо, словно доносился из щели, мы не нашли в этой части зала никаких трещин. Мы вернулись к фотоаппарату и устроили серьезное совещание. Все мы еще не вполне оправившись от ужаса, в который повергли нас необъяснимые звуки.

— Это не могло быть вызвано акустическими трюками пещеры, — запротестовала Уилла, будто отрицая то, во что поневоле приходится верить. — Наши голоса не могли так исказиться, чтобы произвести подобный шум.

— Думаю, вы правы, — согласился я, точно так же не желая верить. — Что бы ни издавало эти звуки, оно было живым и даже очень живым.

— Вы имеете в виду, что за стеной находится живое существо, — уточнил Роджер. — Только не говорите мне в этой своей высокомерной профессиональной манере, что оно жило миллион лет назад.

— Если оно не мертво, то ему полагается быть мертвым, — в отчаянии возразил я. — Говорю вам, я предпочел бы иное объяснение. Предположение о живом существе сводит меня с ума. Но, чем бы оно ни являлось, мы должны помнить, что можем оказаться в опасности, если выпустим его. Вокруг нет проходов, и эти стены могут стать для нас смертельной ловушкой.

— Нельзя ли их взорвать? — предложила Уилла.

— Я уже думал об этом, — сказал я. — Хорошо было бы найти какое-нибудь безопасное место, чтобы переждать там и оценить последствия взрыва. Предположим, Гамлет-холл не будет полностью разрушен, но мы должны быть готовы к тому, что существо, которое издавало эти звуки, вырвется на свободу. Судя по завываниям, его вряд ли можно назвать

совершенно безобидным.

— Собственно говоря, у нас нет никаких доказательств, что за стеной только одно существо, — вставил Роджер, начавший уже понимать, что необходимо проявлять осторожность. — Существо вышло из глубин пещеры и вернулось обратно в глубины. Возможно, Стратерс и Ван Мар слышали голос совсем другого создания.

— И откуда нам знать, что виновником сегодняшнего шума было лишь одно существо? — подхватила Уилла. — Лично мне кажется, что там завывал целый хор сумасшедших, пытавшихся превзойти друг друга.

— Все может быть, — сдался я, совершенно не зная, что и думать, поскольку это открытие бросало вызов научным воззрениям, служившим мне мерилom почти всего на свете. — Во всяком случае, нам лучше запасть парой винтовок, прежде чем мы взорвем стену, и мы сможем изготовить что-то вроде бомб, приладив к динамитным пашкам короткими запалами. Пока что я предлагаю оставить все как есть. Нам лучше обсудить это при свете дня. Поверьте, у меня нервы натянуты до предела.

— Я чувствую то же самое, — поддержала меня Уилла. — Не стоит действовать необдуманно.

Один только Роджер стоял на том, что нужно немедленно пробить стену и встретить любую опасность пистолетными выстрелами и динамитом. Но мы с Уиллой были в большинстве, и в конце концов мы оставили камеру и значительную часть снаряжения в боковом коридоре, пометили его и поспешили обратно к Вратам Ада и благословенному свету дня. Вне пещеры мы вновь обрели хладнокровие, представили себе тысячи самых немыслимых возможностей и окончательно отказались от каких-либо непосредственных и решительных шагов. Остаток дня и вечер мы провели за подготовкой к походу. Нас ждало либо долгое путешествие под землей в том случае, если мы откроем залегающую под Гамлет-холлом сеть галерей — либо кровопролитное сражение, если мы вдруг обнаружим себя в логове опасного животного.

ГЛАВА V

Не думаю, что кто-нибудь из нас хорошо спал в ту ночь. Задолго до рассвета меня разбудили шаги Уиллы: она собирала провизию из расчета на несколько дней пути. Выругав нас за то, что мы вскочили в такую рань, Роджер выбрался наружу вслед за мной и помог нам со сборами.

Хоть мы и оставили большую часть снаряжения в Гамлет-холле, груз, включавший винтовки, дополнительные динамитные шашки и весь наш запас тросов и веревок, оказался довольно весомым. Спускались мы с необычайным трудом, так как почти не выспались, но возбуждение подгоняло нас, и мы проделали весь путь за два часа, совершив несколько безрассудных прыжков через расщелины Радужного проспекта и рискуя вывихнуть лодыжки.

Добравшись до Гамлет-холла, мы оставили большую часть нашего снаряжения все в том же коридоре и предприняли еще одну попытку воззвать к голосам за стеной. С полчаса мы кричали и стучали в стену, но не дождались никакого ответа, кроме эха поднятого нами бедлама. Оставалось только взорвать стену динамитом.

С немалыми усилиями я с помощью захваченного с собой небольшого бура провертел дыру в стене близ того места, где мы слышали голоса. К моему удивлению, бур так и не прошел насквозь, хотя я углубился почти на фут; однако стена в этом месте бесспорно отвечала на удары глухим звуком. Я решил, что дело в свойствах породы и контурах каверн, а не в какой-то особой узости каменного слоя.

Я утрамбовал в отверстие динамит и приготовил трехминутный запал. Тем временем Роджер и Уилла вернулись и сообщили, что стены коридора, где мы сложили снаряжение, показались им достаточно прочными. Убрав инструменты, я зажег фитиль и мы все бросились к нашему укрытию.

У нас порядком заложило уши, когда прозвучал взрыв, и после в голове еще долго раздавался оглушительный звон. Мы напряженно ожидали страшного обвала размолотых

на куски стен, но камни быстро перестали падать, и мы успокоились. Только эхо взрыва глухо гремело в дальних коридорах пещеры и в воздухе висела мелкая пыль.

Мы прокрались обратно по коридору к месту взрыва. Уилла и Роджер сжимали винтовки. Я держал в руке динамитную бомбу и был готов поджечь запал и швырнуть ее в любое привидение, которое появится из глубин.

В зале мы с удивлением обнаружили, что взрыв не причинил особого ущерба — лишь несколько трещин разбежались по стене от его эпицентра. Мы даже не подозревали, как опасно близки мы были к катастрофе. Однако заряд проделал в стене большую дыру; осторожный осмотр показал, что не более чем в трех футах от Гамлет-холла находилась еще одна полость. Вещество перегородки под магматической глазурью оказалось пористым и хрупким, что, вероятно, и объясняло ее резонирующие свойства.

Направив фонари на дыру, мы отошли немного в сторону и стали ждать в напряженном молчании, держа наготове бомбу и винтовки. Я пытался убедить себя, что за стеной не могло прятаться никакое живое существо, но таинственный голос оставался фактом. Если внимание обитателя пещеры не привлекли наши крики и стук, взрыв уж точно должен был пробудить его любопытство.

Мы прождали, вероятно, минут десять или больше, не сводя глаз с дыры, прежде чем Уилла нарушила молчание.

— Господи, что это за вонь? — вдруг воскликнула она.

— Твое обоняние острее моего, — отозвался Роджер. — Я чувствую только запах динамита и пыли.

— Нет, запах другой — пахнет мертвечиной или каким-то гниением, — настаивала Уилла.

— Теперь я тоже чувствую, — вмешался я. — Полагаю, за стеной болото или грязевая воронка. К счастью, это не бо́лотный или углекислый газ, как я опасался.

— Судя по всему, динамит спугнул нашего приятеля из глубин, — заключил Роджер. — Давайте попробуем в отверстие. Вероятно, мы найдем заблудившегося койота либо какую-нибудь склизкую ящерицу.

Вскоре стало окончательно понятно, что тайну было не

разгадать, наблюдая за дырой. По нашей просьбе, Уилла отправились за снаряжением, в то время как мы с Роджером остались на страже. Мысль взять с собой все наше снаряжение оказалась счастливой ввиду ожидавшего нас рокового происшествия, и мы впоследствии не раз благодарили себя за эту предосторожность.

Спустя несколько минут я просунул в дыру голову с налобным фонарем, вполз следом за лучом и сообщил, что нам ничего не угрожает.

Полость, в которой я очутился, была не очень велика и изрядно загромождена известняковыми образованиями. Гамлет-холл, по-видимому, представлял собой запечатанную в результате вулканической деятельности каверну, находившуюся в самом центре лабиринта галерей каменноугольного периода. На твердом полу не было заметно никаких следов, однако моя лампа осветила несколько влажных пятен, которые, казалось, были оставлены здесь недавно ногами какого-то животного.

Затем Уилла и Роджер присоединились ко мне, и последний обнаружил важную улику.

— Вот откуда оно взялось, — крикнул он нам.

Перед Роджером был вход в некий природный известняковый колодец, который, казалось, вел вниз, к залегавшей более глубоко террасе каверн. Наши лампы не сумели осветить дно, но было очевидно, что исключительно сильное существо с острыми когтями могло без особого труда подняться по колодцу.

Я достал свой отвес и бросил его в колодец. Шестьдесят футов лески размотались прежде, чем грузило встретило препятствие. Оно свободно раскачивалось, а значит, под нами была большая впадина.

— Вам придется спустить меня на веревке, — сказал я. — Во время спуска я буду светить фонарем вниз. Если на меня нападут, тащите изо всех сил. Здесь слишком тесно и не удастся применить бомбу — я лишь взорву сам себя. Но я могу использовать винтовку.

Мы обвели трос вокруг ближайшего сталагмита, что позволило Роджеру и Уилле начать медленно спускать меня в

шахту. Трос был пристегнут к моему поясу; дуло винтовки и фонарь смотрели вниз. Неприятен был этот спуск в глубокие горы, где, как мы имели все основания предполагать, обитали опасные формы жизни. Но я беспрепятственно достиг пола нижней каверны и встал на ноги в тишине, казавшейся могильной. Трос тянулся вверх серебряной нитью. У края колодца, как чудовищный злобный глаз, сверкал фонарь Роджера.

— Можете отправить Уиллу вниз, — крикнул я, оглядевшись. — Пока что я не вижу никакой опасности.

Уилла спустилась, перебирая руками, как моряк. Роджер немедленно последовал за ней по тросу, скользившему вокруг сталагмита наверху, тогда как мы потихоньку травили свободный конец. Снова собравшись вместе в нижней каверне, мы оставили оба конца троса болтаться в колодце в ожидании нашего возвращения в Гамлет-холл.

Роджер и Уилла ждали моих предложений по поводу дальнейших действий, поглядывая на призрачные известковые формы, уходившие со всех сторон во тьму. Мы были, вероятно, первыми из людей, ступившими в эту каверну, хотя жизнь, несомненно, существовала здесь и до нас.

— Мы обнаружили не нанесенную на карту галерею Пещеры команчей, если не что-то большее, — объяснил я, обращаясь скорее к самому себе, чем к Роджеру Энсону и его дочери. Мой голос эхом отразился от стен, как звон колокольчиков. — Мы должны быть очень осторожны, иначе мы заблудимся. Нам придется продолжать путь в связке, и без предварительной договоренности лучше не отстегиваться. Если эта галерея так велика, как я думаю, в ней можно за пять минут потерять друг друга из виду и не найти обратный путь к колодцу.

— Как мы будем отмечать дорогу? — спросила Уилла.

— Я как раз к этому подхожу, — ответил я. — Есть несколько способов, но я думаю, что нам лучше всего подойдут каменные пирамидки. Будем складывать их на каждом повороте — так, чтобы от одной в свете наших фонарей была видна другая.

— Будьте осторожны, — сказала Уилла, когда мы при-

стегнули тросы к кольцам на наших поясах, и я готов был поклясться, что в ее сияющих глазах промелькнула не просто безличная забота.

— Не волнуйтесь, — отозвался я. — Если мы заблудимся, моей вины в том не будет.

С оружием на изготовку мы двинулись вперед; я шел первым, Роджер замыкающим. Каверна постепенно сужалась, превращаясь в длинный коридор, круто ухотивший вниз. Сложив у входа пирамидку из камней, мы спустились к новому лабиринту туннелей. Вся эта формация, казалось, была испещрена ямами и трещинами. Удар моего альпенштока по стене вызвал с десяток крошечных лавин. Мы то и дело останавливались и прислушивались, но лишь наши голоса и движения нарушали тишину галерей. Мы склонны были думать, что издававшее крики существо обитает на значительном расстоянии от Гамлет-холла, хотя, конечно, оно могло прятаться в одном из меньших боковых коридоров, мимо которых мы проходили, бросая на них подозрительные взгляды.

— Странно, что существо не появляется, — пробормотал Роджер, когда мы остановились у развилки коридоров и начали складывать пирамидку. — Даже не выглянуло — а ведь шум, что мы подняли, должен был его привлечь.

— Взрыв, должно быть, испугал его, — ответил я, возясь с пирамидкой.

В тот же миг из правого коридора донесся самый ужасный вопль, какой я когда-либо в жизни слышал. Мое сердце на секунду замерло. Уилла и Роджер побледнели, как сама смерть. Не успели мы пошевелиться, как услышали в темноте за кругом света нашей лампы грохот разбросанных обломков, за которым последовали удаляющиеся звуки — звуки, похожие на шарканье и шлепанье ног человека, обутого в расстегнутые и слишком большие галоши.

— Ах, — выдохнул я, — кажется, наш друг дал о себе знать.

Прежде, чем я успел вмешаться, Роджер вскинул винтовку и выстрелил в коридор. Грохот выстрела был оглушительным, и мы услышали звон бесчисленных падающих

кристаллов.

— Что-то мне подсказывает, что я еще добуду в этой дыре дракона, — пробормотал Роджер.

В течение нескольких минут после выстрела мы прислушивались, но животное больше не издало ни звука, а шаги его давно затихли вдали.

В молчании я закончил складывать пирамидку, и мы вошли в правую галерею, куда отступило существо. Мы двигались осторожно, как охотники, подбирающиеся к выводку куропаток. Вскоре я почувствовал, что почва под ногами стала податливей и, глянув вниз, с удивлением увидел, что в луче фонаря поблескивает влажная поверхность. Мы наткнулись на грязевой слой; где-то рядом из-под камней, видимо, просачивалась вода.

Я уже собирался окликнуть Роджера и Уиллу, как новая находка заставила меня опуститься на колени прямо в грязь.

— След ноги! — только и смог я сказать, когда Роджер и Уилла склонились надо мной.

И там был не одиночный отпечаток: впереди мы увидели самую невероятную цепочку следов, какую когда-либо доводилось видеть современному человеку. Перед нами, по полу галереи в сотнях футов под землей, тянулись следы, во всем напоминавшие отпечаток из Гамлет-холла — следы существа, считавшегося вымершим миллион лет назад.

— Отныне я смело могу верить в драконов, — сказала Уилла, когда я снова поднялся на ноги и уставился вперед, в черноту, куда уходили следы. Там, во тьме, как мы теперь убедились, таились существа, что были гораздо ужасней легендарной Медузы.

Я мрачно повернулся к Уилле.

— Вы уверены, что хотите идти дальше?

— Конечно, хочу, — с негодованием ответила она. — Оставьте ваше рыцарство при себе, сэр Боб. Я не сомкну глаз, пока не увижу это чудовище.

— Вперед! Пристрелим дракона! — воскликнул Роджер и вскинул винтовку. — Эта крошка охотилась на львов и гигантских питонов. Думаю, она не отступит перед первобытной тварью.

— Что ж, хорошо, — согласился я, глубоко вздохнув. Для проверки я несколько раз щелкнул сигарной зажигалкой, которую держал в руках, чтобы в случае необходимости поджечь фитиль динамитной бомбы.

Мы прошли по следам до поворота коридора. Здесь следы исчезали в новом колодце, круто изгибавшемся влево. Угол наклона колодца не позволял использовать отвес, а свет наших ламп не достигал дна, так как мешала кривизна стен. Обломок камня, брошенный нами в колодец, беззвучно упал вниз, свидетельствуя о значительной глубине.

Я считал, что должен войти первым, но входное отверстие было довольно узким и мне было бы очень трудно защитить себя, столкнусь я в колодце с нашей добычей.

— Лучше бросьте в эту дыру динамитную шашку, прежде чем лезть туда, — посоветовала Уилла. — И вообще, я запрещаю вам спускаться, пока вы этого не сделаете.

— Я опасаюсь обвала, — возразил я. — Стены галерей не кажутся слишком прочными. В основном это просто тонкие перемычки. Плохо будет, если обвал отрежет нас от Гамлетхолла.

— Как насчет нескольких пуль? — предложил Роджер.

— Мы рискуем только ранить его, — ответил я. — Я предпочел бы лишний раз не раздражать эту тварь. Судя по глубине следов, существо достигает размеров гризли. Я спущусь в колодец без всякой канонады. Что скажете?

— Нет никакой необходимости идти на такой риск, — нетерпеливо воскликнула Уилла. — Динамитная шашка наверняка не вызовет особых разрушений. Бросьте туда бомбу. Если что-то случится — я отвечаю.

Я рассмеялся и повернулся к Роджеру.

— Действуйте, — сказал он. — Да падет наша кровь на голову женщины.

Мы отступили ярдов на пятьдесят от колодца, к месту, где стены и потолок выглядели довольно прочными. Здесь я отстегнул свой трос и в одиночку приблизился к колодцу с динамитной бомбой в руках. Короткий запал, согласно предыдущим опытам, оставлял мне в запасе около пяти секунд; даже если я промахнусь, я успею отбежать достаточно далеко

от взрывной волны. Хотя я и нервничал, бросок вышел удачным, и шипящий снаряд нырнул прямо в отверстие колодца. Я повернулся и стремглав бросился к Роджеру и Уилле.

От взрыва, казалось, земля приподнялась под ногами. Каменные осколки летели с такой силой, что жалили меня сквозь одежду. Когда я добрался до своих спутников, повсюду уже рушились вниз обломки известняка и сталагмитов.

— Хороший бросок! — воскликнул Роджер, перекрикивая шум падающих обломков.

Я собирался ответить, но внезапно где-то далеко позади, в коридорах террасы, раздался оглушительный грохот, за которым последовал гулкий, леденящий кровь рев и тяжелый удар. Земля дрогнула, как при землетрясении. Рев, казалось, удвоился и утроился, с ужасающей силой прорываясь к нам сквозь недра земли. Мой желудок свело, сердце похолодело — я понимал значение этого звука.

— Обвал! — закричал я и в вихре пыли отскочил назад, волоча за собой Роджера и Уиллу. Как видно, я бессознательно, даже не осознавая необходимость в этой мере предосторожности, успел пристегнуться к связке.

Мы добрались до того места, где спустились по крутому коридору на нижнюю террасу. Дальше проход закрывала стена искореженных сталактитов. Путь к колодцу, ведущему в Гамлет-холл, был отрезан.

Уилла в ужасе вскрикнула. Страх, должно быть, пробрал до мозга костей даже безрассудного Роджера. Лучи наших фонарей нервно металась, не находя ни малейших признаков прохода в руинах разрушенных стен. Мы стояли, оцепенев от ужаса, и слышали, как вокруг, далеко и близко, с глухим грохотом обрушивались от сотрясения почвы другие коридоры и галереи. Мои колени дрожали, словно у человека, стоящего у стенки перед расстрельной командой.

— Мы похоронены заживо! — раздалась первые внятные слова, и издала их Уилла. — И все это — моя вина. Это я посоветовала бросить бомбу.

Страх и сожаление, звучавшие в ее голосе, странным образом успокоили меня. Я внезапно рассудил, что может быть смерть и похуже, чем оказаться похороненным заживо вме-

сте с Уиллой Энсон.

— Ну, мы ничего не выиграем, если впадем в панику, — сказал я с поразившим меня самого спокойствием. — Наверняка есть и другие пути отсюда. А если мы не найдем естественного прохода, у нас хватит динамита, чтобы взорвать половину горы.

Но настоящим успокоительным средством послужил невозмутимый юмор, с каким встретил беду Роджер.

— Право же, дети мои, — торжественно произнес он, — я чувствую, что уже привык ко всему и могу спокойно спать на любом кладбище по эту сторону Стикса.

ГЛАВА VI

— Из этой галереи должен выходить еще один колодец, — спокойно высказал Роджер наше общее мнение после того, как обвалы прекратились и в разрушенных кавернах воцарилась глубокая тишина. — Думаю, нам следует поискать проход, прежде чем использовать этот проклятый динамит, не то мы можем сами себе навредить.

В ту минуту ничто не могло заставить меня рискнуть еще одним взрывом в таком тесном и шатком коридоре. Уилла продолжала корить себя за то, что заставила меня бросить бомбу, вызвавшую катастрофу. В угрюмом молчании мы решительно отвернулись от заваленного прохода, который вел когда-то в Гамлет-холл, и приступили к систематическому осмотру всех коридоров. Существо, оставившее следы, пред лицом большей опасности на время утратило свое значение; мы оставались на чеку, но перемещались уже не так осторожно, как до катастрофы.

Оставляя за собой каменные пирамидки, помеченные разноцветными мелками, мы со всей возможной быстротой исследовали коридоры, но снова и снова оказывались в тупике. Час шел за часом, но выход все не обнаруживался, и наше нервное напряжение росло. Попался лишь один многообещающий колодец, однако после почти часового спуска путь нам преградила сплошная стена известняка.

В шесть мы вернулись к исходной точке наших долгих поисков и были вынуждены признать, что очутились в заперти. Оставался единственный способ добраться до верхних галерей до наступления ночи — взрыв. Учитывая наше тяжелое положение, динамит уже не казался таким опасным. Бомба, вызвавшая все наши беды, казалось, навсегда успокоила странного обитателя горных глубин: мы больше не слышали ни звука и не видели ничего, кроме мертвенно-белых стен и колонн того, что на долгие часы обещало стать нашим мавзолеем.

Решившись на отчаянные меры, мы снова направились к горе каменных обломков, преграждавшей дорогу к Гам-

лет-холлу. Тщательный осмотр этой баррикады, плотно примыкавшей к потолку, показал, что шансов пробить достаточно большое отверстие было мало. Однако в надежде, что случится какое-нибудь чудо, я соорудил из обломков стагмита козлы и начал энергично работать буром.

Незадолго до восьми я наконец поджег фитиль, и мы побежали в заранее найденное укрытие. Взрыв, в отличие от первого, не вызвал масштабной катастрофы, поскольку самые непрочные стены уже развалились, а просто разрушил значительный участок потолка. Когда пыль осела, мы обнаружили, что вместо отверстия сумели лишь увеличить завал. Казалось, вся масса камней медленно скользила к нам из верхней галереи.

— Должно быть, обвалилась вся терраса вокруг Гамлет-холла, — в отчаянии сказал я, водя фонарем по каменной баррикаде. — Наша бомба только увеличила размеры завала. Стало еще хуже, чем раньше.

— Почему бы нам не перенести эти валуны в другие проходы? — спросила Уилла, проявлявшая, несмотря на ужасные обстоятельства, удивительную стойкость духа.

— Ну, это уж последнее средство, — заговорил Роджер, вытирая лоб и словно пытаясь избавиться от какой-то неприятной мысли. — Работы здесь не на часы, а на целые дни. Думаю, нам лучше заложить еще несколько зарядов в самых верхних коридорах этой террасы. Возможно, нам удастся прорваться наверх.

Нам ничего не оставалось, как последовать совету Роджера, поскольку новые взрывы вряд ли могли ухудшить наше положение. Мы просверлили стены и заложили еще три динамитных заряда в верхних коридорах, но взрывы лишь вызвали грандиозные обвалы, полностью засыпавшие камнем проходы, где мы работали.

Усталые и измученные, охваченные нарастающим отчаянием, мы — трое несчастных узников подземелья — возвратились к завалу, отделявшему нас от колодца, что вел в Гамлет-холл. У нас все еще оставалась возможность расчистить проход вручную, но мы были слишком слабы и едва ли могли надеяться разобрать руками всю эту гору камня.

Мы молча отдыхали и были не в силах найти никаких поводов для оптимизма. Время ужина давно миновало, но есть нам не хотелось и мы ограничивались редкими глотками воды из фляги, даже не вспоминая о еде.

— Пока нет нужды беспокоиться, — наконец набрался храбрости Роджер. — Мы только начали. Воздух здесь, похоже, чистый, провизии и воды у нас много. Давайте найдем подходящее место для ночлега и попытаемся немного поспать. Утром все будет выглядеть по-другому.

Я заметил, что Уилла не слушала. Она повернула голову вправо и вглядывалась куда-то во тьму. Мои волосы встали дыбом от инстинктивного страха, когда она внезапно вскрикнула и указала в темноту. Сначала я не мог разглядеть ничего определенного, но вскоре различил еще более темное пятно у выступа стены на стыке двух коридоров. В свете фонарей блеснули два круглых выпученных глаза. Мы с Роджером выхватили пистолеты, но тень исчезла прежде, чем мы успели выстрелить; и снова из дальних коридоров донесся странный топот неведомого существа, сопровождаемый протяжным, печальным воплем и взрывом смеха, похожим на кудахтанье гигантской курицы.

Мы расслабились и убрали пистолеты. Думаю, мы все были рады, что существо опять сбежало. В нашем положении мы хотели только одного — чтобы нас оставили в покое.

— Видимо, мы не нуждаемся в чем-либо обществе, — хмуро заметил я.

— А мне почему-то даже нравится, что кто-то находится сейчас рядом с нами, — пробормотала Уилла. — Наверное, несчастье любит компанию.

— В крайнем случае, мы можем последовать за существом, — воодушевился я. — Кто знает, возможно, обнаружится и выход.

Немного погодя мы двинулись по коридору к широкой и гладкой нише в стене, где могли чувствовать себя защищенными от любого ночного нападения. После скудного ужина, который мы съели с большим аппетитом, чем могли ожидать, мы по настоянию Уиллы бросили жребий, чтобы решить вопрос о ночном дежурстве. Первая вахта досталась

Роджеру, вторая Уилле и последняя — мне. Я считал, что мне не повезло: мне было нечего делать почти до самого утра, так как долго спать никто из нас не собирался.

Как ни странно, призрачное существо больше не посещало нас на протяжении той бесконечной ночи. Мы спали урывками, ворочаясь на наших жестких каменных постелях. Казалось, я едва успел забыться тревожным сном, когда Уилла разбудила меня — пришел мой черед сторожить. Я уселся у фонаря, установленного на краю ниши; мои глаза горели, с трудом привыкая к непроглядной темноте вокруг.

Завтрак был печальной формальностью. Наши нервы были на взводе после бессонной ночи, и мы осознавали, конечно, что можем никогда не выйти на поверхность и погибнуть в пещере. Едва скрывая беспокойство, мы подступились к завалу и начали переносить валуны и обломки камня в соседние коридоры.

Мы мрачно работали на протяжении пяти часов и почти заполнили один из проходов камнями. Но каменная гора всякий раз оседала вниз, закрывая каждое проделанное нами отверстие, и вскоре стало очевидно, что мы только зря тратили силы.

К полудню, после долгого отдыха и жалкого ленча, мы чувствовали себя все такими же изможденными и разбитыми. Не хотелось и думать о продолжении бесконечного осмотра галереи в надежде найти какой-нибудь незамеченный коридор или колодец, что выведет нас в безопасное место. Батарея Роджера начала садиться, и мы выключили его лампу, оставив лишь мою. Унылый день клонился к вечеру, и мы все же решили вновь обойти все коридоры и исследовать самые незначительные щели, но выхода так и не нашли.

И снова наши часы показали, что наверху наступила ночь. Мы слишком устали и ничего разумного сказать друг другу не могли. Нашим убежищем опять стала та же скальная ниша. Чтобы не жечь ночью фонарь, мы соорудили высокую баррикаду из валунов, полностью перекрывавшую нишу. Дежурить решено было в прежнем порядке.

Во время первых двух вахт ничего из ряда вон выходящего не происходило, но едва я заступил на пост, как ус-

лышал в коридоре шорох и шарканье. Уилла, очевидно, сразу же уснула рядом с Роджером, и я не стал их будить.

Напряженно ожидая в непроницаемом мраке и держа руку на выключателе фонаря, я услышал приближающиеся шаги. Разбойники, судя по всему, явились по меньшей мере вдвоем.

Они осторожно подошли к баррикаде, а я крепко сжал пистолет, готовясь выстрелить в просвет между валунами. Затем я резко нажал на выключатель налобного фонаря, заливая карниз светом, и приник к щели. Я успел заметить лишь блеск скользкой кожи и выпученных, словно стеклянных глаз — существа отпрыгнули в темноту и исчезли.

С облегчением убедившись, что сражения удалось избежать, я выключил фонарь, не потревожив Роджера и Уиллу. В этот момент я понял, чем нам следует заняться утром. Нужно направиться по следам этих тварей вниз, в более глубокие тайники пещеры. Я почему-то чувствовал, что существа выведут нас в более приспособленные для выживания места, если не на поверхность.

За завтраком я рассказал Роджеру и Уилле о своих наблюдениях и предложил поискать выход в нижних галереях. Они охотно согласились. Как и я, они считали, что все лучше, чем изнурять себя неравным поединком с каменными глыбами, преграждавшими путь в верхние галереи.

— Полагаю, это наш последний шанс, — смиренно сказал Роджер, тщательно дожевав последние кусочки крекеров и холодного мяса. — Пройдут недели, прежде чем сможет прийти помощь извне. Питу еще несколько дней, а может, и недель будет невдомек, что мы заблудились. Нужно было заранее договориться, что он должен поднять тревогу, если мы не появимся в течение какого-то времени.

Впервые за сорок восемь часов подземного заточения мы проявили настоящее рвение, собирая снаряжение и направляясь к колодцу, который, как нам казалось, служил убежищем для странных существ, так долго игравших с нами в прятки. Я бросил в отверстие еще одну динамитную шашку, что было чревато новым оползнем. К счастью, ущерб был минимальным, мы же теперь могли быть уверены, что

никакое животное не поджидает нас у выхода.

Я первым двинулся в колодец; Уилла и Роджер следовали за мной по пятам. Первые несколько ярдов мы были вынуждены ползти на спине ногами вперед — таким узким был проход. Но стены вскоре раздвинулись в стороны, и наконец мы смогли встать на ноги. Несколько раз я, казалось, замечал впереди уродливые фигуры, шарахавшиеся от света моего фонаря. Я быстро обнаружил, что мне было не к чему винить свое воображение: тут и там на полу виднелись пятна грязи со вдавленными свежими следами.

Затем мы вышли к длинному и ровному участку голого гранита, ощущая все более сильный и безошибочный запах гниющей растительности. Именно этот запах привлек внимание Уиллы в Гамлет-холле. Стены коридора, чей потолок поднялся на высоту почти сотни футов, состояли уже не из известняка. Прожилки хризолита и полевого шпата блестели в свете моей лампы, и все известковые образования исчезли.

— Вы чувствуете, что становится теплее? — внезапно спросила Уилла.

— Я думал, дело в физическом напряжении, — ответил я, с удивлением глядя на ее залитое потом лицо.

Позади нас Роджер вытирал лицо носовым платком. Я провел рукой по собственному лицу, и мои пальцы стали мокрыми.

— Не будь вокруг этих стен, я сказал бы, что мы попали в африканские джунгли, — выпалил Роджер. — Запахи и жара напоминают мне бассейн реки Конго.

— Жара может объясняться глубиной, — рассуждал я вслух, пока мы продвигались во мрак быстро расширяющегося прохода. — Мы находимся, я полагаю, на глубине нескольких сотен футов под поверхностью земли, и с каждым шагом спускаемся все глубже.

Усталость и тревога не способствовали долгим разговорам о чудесах огромной бездны, куда мы проникли. Если не считать темноты, возникало впечатление, что мы пересекали дно глубокого речного каньона. Малейшие шорохи и звуки шагов многократно усиливались, отдаваясь эхом да-

леко впереди. Почва становилась все более скользкой от слизи и поросли каких-то грибов, и ступать приходилось так осторожно, что мы и не заметили, как темнота постепенно начала рассеиваться.

— Вряд ли мы можем приближаться к выходу, — тяжело дыша, сказал Роджер, который успел закатать рукава и расстегнуть рубашку, чтобы найти хоть какое-то облегчение в этой удушливой жаре.

— Но где-то впереди есть свет, — отозвался я. Надо признаться, что явление света на такой глубине не слишком впечатлило меня, так поражен я был необъятностью черного ущелья.

Несколько минут мы молча спускались по крутому склону, напрягая глаза и всматриваясь в сереющий сумрак. Наши тени, огромные и искаженные на стене позади, становились все менее четко очерченными, и все более отчетливо проступали по сторонам влажные склоны монументальных гранитных утесов.

Затем перед нами предстало и первое объяснение загадочного свечения. Это было светлое пятно высоко на изгибающейся стене впереди. По мере того, как мы спускались, пятно быстро увеличивалось в размерах. Оно горело и мерцало по краям, как угли в огромном костре. Мы подошли ближе и справа от первого заметили второе пятно. За поворотом открылась длинная полоса желтых огней. К тому времени в гранитном ущелье стало так светло, как бывает в полнолуние на поверхности, и я всерьез подумывал выключить фонарь, чтобы сберечь батарею.

— Самородная сера! — воскликнула Уилла, чье острое обоняние уловило запах, ускользнувший от нас с Роджером.

— Фосфоресценция, — уточнил я, задыхаясь не только от жары, но и от возбуждения.

Мы остановились прямо под источником света, глядя на крутой гранитный склон, усеянный светящимися пятнами. Наши потные лица блестели в мерцающем свете, как будто были смазаны жиром, кожа отливала мертвенно-желтым цветом. В изумлении, не веря своим глазам, мы поспешили обогнуть длинный изгиб подземного каньона. Стена

резко повернула направо; в жутком сиянии фосфоресцирующих отложений, которые виднелись теперь повсюду высоко над нами, вырисовался еще один крутой спуск. Мы уже видели подножие склона, когда внезапно остановились: из глубины налетел порыв влажного теплого ветра, принесший с собой резкие запахи экваториальных джунглей, смешанные с несомненным соленым запахом моря.

— Боже правый, что там впереди?! — воскликнул Роджер.

— Пойдем, — только и смог я сказать, спускаясь вниз по мерцающему склону и жадно вдыхая странный освежающий бриз, насыщенный запахами чужого, невообразимого края.

ГЛАВА VII

Этот необъяснимый «морской бриз» вырвался из бездны, когда мы находились, должно быть, более чем в тысяче футов под поверхностью земли. Гранитные стены подземного каньона вздымались на невероятную высоту, и похожие на залежи радия отложения на куполе и откосах, принимая форму миниатюрных солнц и прожилок багрового огня, испускали быстро усиливающийся и неопишимо странный свет.

Все это, в сочетании с неведомыми ароматами ветра, заставляло нас совершенно забыть об усталости и опасностях, которые могли угрожать нам в логовищах существ, по следам которых мы пришли сюда из Гамлет-холла. Даже мысль о подземной тюрьме перестала нас тревожить, ибо свежий ветерок на лицах и простор тускло освещенной каверны даровали нам успокоительное ощущение свободы.

Я по-прежнему шел впереди, и мой альпеншток сопровождал каждый шаг странным, гремящим эхом. Вдруг я заметил что-то зеленое и листовенное. У меня перехватило дыхание.

— Во имя всего... — пробормотал я, резко остановившись. Затем я бросился вперед, позабыв, что Уилла и Роджер шли со мной в связке и чуть не опрокинув обоих.

Предмет, который привлек мое внимание, оказался скоплением папоротников, росших на мягкой почве у выхода источника. Папоротники были необычными, не поддающимися классификации, и мне оставалось только отнести их к очень древнему виду. Пораженные открытием достаточно высокоорганизованного растения на такой глубине, мы столпились вокруг и несколько минут глядели на папоротники, притрагиваясь к влажным и жестким листьям, чтобы убедиться в их реальности. В этом растении было что-то неестественно живое, как будто мы столкнулись со случаем воскресения из мертвых.

— Поразительно, — заявил Роджер. — Я никогда не видел ничего подобного во всем северном умеренном поясе за

пределами теплицы.

— Может быть, это вымершая разновидность? — изумлялась Уилла.

— Я уж и не знаю, что предположить, — ошарашенно ответил я, рассматривая губчатый ковер водорослей у корней папоротников. — Возможно, мы все станем умнее, когда увидим больше этих растений. Если, конечно, здесь растут и другие.

Приготовившись к любым неожиданностям, мы двинулись дальше, пробираясь через широкие илистые болота. Покров водорослей в несколько дюймов толщиной, несомненно, скрывал под собой предательские глубины зыбучих песков. Не успев отойти на сотню шагов от первого растения, мы обнаружили еще несколько в покрытой слизью впадине. Это было ошеломляюще. Земля словно частью вывернулась наизнанку в какую-то первобытную эпоху, сохранив примитивные формы жизни в естественной теплице. Каждый лист, каждый стебель этих странных растений обнаруживал грубость и чудовищность растительной жизни в эпоху дымящихся болот и кипящей грязи. Все они отличались болезненно-зеленым оттенком, характерным для растений, развивающихся в условиях недостатка света.

Прозрачные и холодные источники становились все многочисленнее, болота было все труднее пересечь или обойти. По изрытой почве бежали в разные стороны крошечные ручейки, одни кристально чистые, другие коричневатокрасные. В некоторых местах вода втекала и вытекала из любопытных пор, напоминавших миниатюрные фумаролы*. Окунув пальцы в несколько лужиц, скопившихся в более глубоких впадинах, мы обнаружили, что вода была тепловата, а в некоторых случаях неприятно нагрета; это было особенно заметно, поскольку рядом текли холодные как лед ручейки. Удивительная растительность быстро превращалась во все более густые заросли. Ветер, обдувавший наши лица, казался теперь более сильным и холодным.

* Отверстие в земле в вулканическом регионе, откуда выходят пар или испарения.

Едва причудливая растительность и переменчивая температура источников и бассейнов перестали нас изумлять, как мы начали замечать пушистые клочья тумана, плавающие в своде над головой. Сначала мы подумали, что это мог быть дым от далекого лавового потока, но быстро пришли к правильному заключению, когда почувствовали на лицах мелкие капли дождя. Пары над нами были настоящими облаками: они дрейфовали по ветру от точки испарения и вновь осаждались водой, попадая на высоте в более холодные воздушные слои ущелья.

В середине неглубокого, тепловатого пруда мы увидели настоящую саговую пальму* двадцати футов высотой. Это помогло нам безошибочно определить возраст растительности. Густая, сильно пахнущая чаща, сквозь которую мы пробирались, была почти так же стара, как сама Земля. Какая-то причуда стратификации похоронила здесь остатки древнего мира.

Начиная от того места, где мы обнаружили цикас, путь стал чрезвычайно трудным. Мы тяжело дышали от перенапряжения и волнения, но даже не думали об отдыхе или возвращении назад. Впереди было объяснение тайны, величайшей загадки из всех — нечто, как мы подозревали, странное и ужасное, но тем не менее с непреодолимым очарованием манившее нас к себе.

Свод над ущельем превратился в купол высотой в сотни футов, в настоящее небо в глубинах земли. Его солнца, луны и звезды, таинственные раскаленные массы, непрерывно светились и мерцали сквозь стущающиеся завесы тумана. Шел прерывистый морозящий дождь, перед нами качались мягко сплетающиеся листья гигантских папоротников и серповидные ветви пальм, и все чаще и чаще мы находили перепончатые следы существ, заманивших нас в величественный и ужасный подземный мир, словно живые блуждающие огоньки.

* Пальма, из нескольких видов которой получают саго, крахмалистый продукт, используемый в качестве пищи.

Внезапно тропа оборвалась и мы, тяжело дыша, выбрались из спутанных зарослей папоротника на широкую полку или плато из покрытого язвинами гранита. Пространство перед нами было так огромно, что наши глаза на миг ослепли. Не произнеся ни слова, мы разом остановились. Когда наши глаза наконец привыкли к фантастическим миражам, вызванным игрой колеблющегося света вдалеке, мы поняли, что достигли источника дождевых облаков и ветра. Перед нами расстиралось внутреннее море, размеры которого мы не могли себе даже представить — море, на протяжении неисчислимых веков отделенное от бурлящих стихий земной поверхности миллиардами тонн гранита.

— Боб! — хрипло воскликнул Роджер Энсон. — Я что, сошел с ума?

Его голос казался далеким и незначительным. Не знаю, что я пробормотал в ответ. Я не мог оторвать глаз от изумительной панорамы волнующейся воды, от облаков, неуклонно надвигающихся на нас, от купола, теряющегося в высотах, недоступных для человеческого взора.

Морской простор был усеян странными скалистыми островами с коронами роскошной растительности. Откуда-то слева доносился глухой рокот бурунов, и мне показалось, что я различил далекий звук, похожий на трубный призыв слона.

Мы стояли на утесе над треугольной бухтой, обрамленной справа и слева густыми джунглями, росшими у подножия крутого обрыва — стояли в переменчивом сиянии светящихся масс на склонах и огромном небесном куполе над облаками. Здесь, я был уверен, и находилась родная обитель созданий, существование которых до сих пор доказывали лишь следы и странные крики.

— Смотрите! — воскликнула вдруг Уилла. — Там, посреди залива!

Она еще не успела договорить, как я заметил волнение в воде под нами. Какое-то тяжелое тело, казалось, поднималось из глубины. Волны затихли на много ярдов вокруг, вода странно кружилась и вздымалась. И вот, с обескураживающей внезапностью, на поверхность вырвалась зеленовато-коричневая масса, похожая на гряду покрытых мхом ва-

лунов. Я мельком заметил ряд колоссальных позвонков. Массивная змеиная голова с огромными челюстями и глазами поднялась в фонтане брызг на шее, похожей на тело питона. Существо вряд ли нас увидело, но все же озиралось с явной настороженностью, вытягивая шею над водой, как гигантский гусь. Движение широкого плавника у основания шеи подсказало мне, какого рода чудовище мы созерцали. Перед нами, на расстоянии всего нескольких сотен ярдов, был живой потомок плезиозавра, чудовищного обитателя мезозойских морей. Мы действительно обнаружили неведомую страницу в книге эволюции Земли.

Пока мы смотрели, затаив дыхание, огромный зверь, наполовину черепаха, наполовину рыба, наклонил голову и схватил челюстями что-то похожее на угря. Затем он стал неторопливо пожирать свою добычу, держась на одном месте благодаря медленным взмахам огромных ласт. После он снова с непонятной подозрительностью оглядел окруженный джунглями берег и медленно скрылся из виду, как подводная лодка, оставляя за собой мешанину пузырей и пены.

Рука Уиллы стиснула мою руку с такой силой, что мне стало почти больно.

— Боб! О, Боб! — в отчаянии воскликнула она.

Я похлопал ее по руке без особого сочувствия. Я был слишком ошеломлен, чтобы испытывать что-либо, кроме благоговения и инстинктивного страха.

— Мы можем о себе позаботиться, — сказал я с плохо наигранной уверенностью. Мой голос звучал сдавленно и напряженно. — Бояться нечего — пока что.

— Бояться! Кто говорит о боязни? — яростно выпалил Роджер. — Да ведь мы совершили величайшее открытие в истории геологии! Мы исследуем это озеро, найдем выход из пещеры и подарим миру величайшую страну научных чудес, когда-либо открывавшуюся человечеству! Кстати, касательно геологических эпох...

Пылкая речь Роджера была внезапно прервана звуком, донесшимся из джунглей вниз и заставившим нас замолчать: как будто ледяные руки внезапно зажали нам рты. Это были голоса безымянных существ, за которыми мы следо-

вали от самого Гамлет-холла. Здесь, в родной твердыне, в их голосах слышалась угроза, которую мы раньше не замечали. Их детский лепет становился все громче и громче и снова переходил в раскаты дикого, безудержного смеха. Теперь мы уже не могли сомневаться, что в этом хохоте звучал издевательский вызов. Должно быть, где-то в густых зарослях у подножия обрыва прятались десятки тварей.

Когда шум затих и существа, как нам показалось, разбежались, я повернулся к Роджеру.

— Вот более красноречивый ответ, чем все, что я могу сказать, — произнес я. — Если мы сумеем вынести на поверхность доказательство существования погребенного мира, это будет таким же чудом, как и сам этот мир.

Роджер даже не пытался протестовать против моих пессимистических выводов.

ГЛАВА VIII

После открытия подземного моря мы испытывали лишь непреодолимую усталость и голод. Напряженное ожидание, в котором мы пребывали с момента обвала под Гамлет-холлом, казалось, разрядилось внезапной вспышкой, оставив нас настолько измотанными, что мы были не в силах раздумывать о чудесах этой затерянной страны. Сбросив рюкзаки и отложив альпенштоки, мы опустились на камни, уверенные, что на плато нам будет куда безопаснее, чем где-нибудь в зловещих джунглях, простиравшихся вниз до самой кромки залива.

Когда мы немного пришли в себя и распределили еду, было уже почти два, и Уилла напомнила, что путь к подземному морю занял свыше четырех часов. Мы находились по меньшей мере в десяти милях от любого известного входа в Пещеру команчей и, если память нам не изменяла, почти три дня не видели солнечного света. Мне казалось, что прошли годы, а не дни: восприятие времени под землей было искажено, а реальный мир виделся туманным и похожим на сон.

Еда и отдых первыми сказались на Роджере, и он вновь пришел в приподнятое настроение. Пока мы с Уиллой обессиленно лежали, растянувшись на камнях, он начал осматривать подземный ландшафт с помощью небольшого полевого бинокля, который всегда носил в кармане куртки.

— Ну же, дети, — настаивал он, — не позволяйте отцу быть душой отряда. Только подумайте, мы участвуем в маленькой драме, что заинтересовала бы самого старика Гомера.

— Оставь меня в покое, — простионала Уилла. — Мне все равно, даже если ты увидишь здесь Цирцею со стадом свиней. Я устала.

Я молча согласился с ней, но Роджер упорно продолжал громогласно делиться с нами своими наблюдениями. Именно он вскоре обнаружил неожиданную угрозу, быстро приближавшуюся со стороны тускло освещенной небесной

тверди погребенного мира.

— Вставайте, быстро! — закричал он, и мы с Уиллой вскочили на ноги, дрожа от страха.

— Что случилось? — воскликнул я.

— Вон там... по эту сторону вон того облака, как раз над тем большим островом. Да смотрите же! — кричал Роджер, скидывая винтовку.

Уилла схватила свою винтовку, я вооружился динамитной бомбой — и только тогда мы поняли, что так встревожило Роджера. Призрачное подобие огромной птицы тяжело летело к нам из движущегося тумана, окутывавшего дали подземного мира.

— В коридор! — крикнул я.

Не успело чудовище подлететь на расстояние выстрела, как мы уже отступили ко входу в галерею, по которой добрались до уступа. Прячась за растениями, мы осторожно выглянули на плато, готовые дать бой, если чудовище попытается проникнуть в наше убежище.

Громадное птицеподобное существо, должно быть, заметило нас прежде, чем мы нашли укрытие. Оно летело прямо через залив к плато, вырастая в размерах и словно заслоняя собой все небо. Огромный размах его крыльев был удивителен и ужасающ; их взмахи обдавали нас порывами ветра, и мы ощущали тошнотворный запах, подобный тому, что издают почти все рептилии.

Когда отвратительная птица или, скорее, зверь уселся на скальную полку, мы увидели, что он напоминал гигантскую летучую мышь, хотя шея у него была длинная, а клюв, несомненно, птичий. Очевидно, он намеревался исследовать брошенное нами в спешке снаряжение.

— Не стреляйте, пока эта тварь не попытается добраться до рюкзаков, — сказал я и вытащил пистолет, решив приберечь динамитную бомбу на крайний случай.

— Цельтесь ему в грудь, — посоветовал Роджер. — Там нет чешуек. Откроем огонь по моей команде.

Мы прицелились и стали ждать.

Сложив крылья, похожие на колоссальные зонтики, чудовище заковыляло на когтистых лапах к нашим рюкзакам;

оно вертелo во все стороны своей длинной чешуйчатой шеей, словно разыскивая нас. Его голова напоминала голову крокодила, за исключением клюва, однако крылья были тонкими и перепончатыми, как у летучей мыши. Тело было частично покрыто чешуей, частично же странными, пестрыми и остроконечными перьями.

Чудовище раскрыло пасть над камерой, сердито царапая камни и расправляя крылья. Команды Роджера не потребовалось, и в тишине оглушительно громыхнули две винтовки и пистолет. Промахнуться на таком близком расстоянии мы не могли и, видимо, задели жизненно важные органы — судя по ужасному карканью и громоподобному хлопанию крыльев, существо было тяжело ранено. Чудовище попыталось взлететь, взметнув тучу пыли и мелких камней, но в конце концов рухнуло обратно на гранитные плиты и грузно осело, судорожно раскрывая и закрывая челюсти.

Убедившись, что в небе нет других подобных существ, мы выбрались из укрытия и двинулись к своей добыче, готовые выстрелить снова, если она проявит хоть малейшее поползновение напасть. Рептилии умирают медленно, но эта птицеящерица, как мы удостоверились, была практически мертва.

— Похоже на птеродактиля, — объявил я, когда мы начали осматривать тушу. Под чешуйчатой кожей существа все еще дрожали и сокращались мышцы.

— Эта штука наполовину ящерица, наполовину птица, а в целом зверь, — нервно сказал Роджер. — Посмотрите на эти когти. Тварь могла бы подхватить нас троих и сбросить в море.

Уилла, очень испуганная, еще не пришла в себя и попыталась меня удержать, когда я склонился над отвратительным телом.

Я измерил крылья с помощью отвеса. В них было почти тридцать футов от кончика до кончика, ширина же у самой длинной из костей, обтянутой перепончатой кожей, составляла более пятнадцати футов. На каждом крыле, в суставе, эквивалентном локтю, выдавался вперед чудовищный коготь, одного удара которого было бы достаточно, чтобы

выпотрошить человека.

— Ужасное существо, — пробормотал я, закончив осмотр и смахивая пот со лба. — Судя по всему, это нечто среднее между европейским птеродактилем и американским археоптериксом. Зубы явно принадлежат плотоядному животному. Оно бы нами даже не насытилось.

— Зловоние просто убийственное, — пробормотала Уилла, зажимая нос.

Опасаясь, что туша может привлечь внимание других воздушных драконов, мы с большим трудом перетащили ее в устье ущелья, где убитое существо невозможно было заметить с неба. После этого, по предложению Роджера, я достал камеру и сфотографировал существо; я надеялся, что снимок получится четким, хотя и не знал, какой диафрагмы и выдержки требовал изменчивый свет.

Мы знали теперь, что опасности грозили нам отовсюду — с неба, моря и суши. Вернувшись на плато, мы устроили краткое совещание и решили, что немедленно двинемся в путь и попытаемся обойти подземное море по берегу. Мы не сомневались, что столкнемся с чудовищами, но были хорошо вооружены и чувствовали, что сможем защитить себя от любого из неуклюжих обитателей пещерного мира. Но если мы хотели вернуться на поверхность до того, как наши припасы иссякнут, нам следовало торопиться. Конечно, мы могли добыть здесь дичь или плоды, но не знали, насколько они окажутся съедобны и приятны на вкус, да и найдутся ли поблизости, когда понадобятся.

Взвалив на плечи рюкзаки, мы спустились по склону и вошли в полосу джунглей, отделявшую нас от берега. Не успели гигантские папоротники сомкнуться за нами, как ветер полностью стих. Мы задыхались в жарком стоячем воздухе, который становился все невыносимее из-за запахов гниющей растительности и падали. Пот заливал глаза, подлесок был так густ, что видели мы не больше чем на ярд вперед. Безусловно, мы оказались бы в незавидном положении, вздумай какое-нибудь существо на нас напасть; к счастью, полоса зарослей вскоре закончилась и мы с облегчением выбрались на берег, чувствуя дуновение прохладного

бриза на мокрых от пота лицах.

Узкая полоска белоснежного пляжа окаймляла кромку воды. На берег с тихим плеском набегали маленькие волны. Шум далекого прибоя был здесь слышен более отчетливо, доносясь откуда-то с севера или с той стороны, где, по нашим расчетам, должен был находиться север. Острова, замеченные нами ранее, оказались гораздо дальше от берега, чем можно было предполагать, и мы были потрясены, когда обнаружили, что залив представлял собой лишь незначительную часть водоема протяженностью в несколько миль. Попробовав воду на вкус, мы убедились, что она была соленой и горькой, как в Мертвом море; тысячелетиями набегала она на берега этой великой гробницы, и только отсутствие солнечного света уберегло ее от превращения в смертельный яд.

— Вот и опять следы наших друзей, — сказал Роджер, опускаясь на колено и рассматривая какие-то отпечатки на влажном белом песке. — На сей раз они словно вошли или прыгнули прямо в воду.

— Вероятно, следы оставили те самые существа, чьи крики мы слышали в джунглях, когда вышли из каньона, — заметила Уилла, когда мы с ней присоединились к Роджеру.

— Следы достаточно свежие, — согласился я. — А перепонки указывают на то, что они проводят много времени в воде, хотя, кажется, дышат воздухом.

Я оглянулся на темную и хмурую линию джунглей. В нас начинала проявляться инстинктивная настороженность первобытных людей, окруженных опасностями, и я подметил, что Роджер и Уилла стали часто оглядываться через плечо.

Надеясь наконец увидеть существ, которые так успешно ускользали от нас до сих пор, мы двинулись влево по берегу. Джунгли впереди длинной дугой уходили в воду, отмечая косу или мыс. Мы шли настороженно, готовые отразить неожиданное нападение из джунглей или с моря и не забывая о небе. Далеко на востоке на фоне светящегося купола реяли три тени, показавшиеся нам птеродактилями. Летающие драконы держались достаточно далеко, однако нас порядком испугала огромная рыба, которая вдруг вы-

прыгнула из воды у самого берега и упала обратно, подняв фонтан брызг.

Грохот бурунов внезапно стал громче, и мы не удивились, когда, обогнув мыс, увидели великолепную панораму побережья. Менее чем в полумиле от нас огромные волны накатывали на скалистый берег, вздымаясь зеленоватыми гейзерами у стены изъеденных непогодой утесов. От кромки воды нас отделяли несколько акров ровного пляжа, усеянного корягами и большими ракушками. Но больше всего нас заинтересовали сверкающие ребра выбеленного водой скелета размером с корабль. Это были кости морского чудовища, выброшенные на берег во время шторма или волнения на море.

Мы начали было выкапывать череп из песка, что помогло бы классифицировать животное, но из джунглей вдруг показалась кучка странных фигур. Пока мы наблюдали за ними с винтовками на изготовку, они спустились на берег и приблизились к кромке воды. Хотя их было не меньше дюжины, они, казалось, очень боялись нас, так как держались тесной толпой. Очевидно, только непреодолимое любопытство и возможность безопасного отступления побудили их подойти к нам на открытом месте. Существа эти чем-то напоминали людей; мы были словно пришельцы из двух миров, встретившиеся впервые.

— Если это не те бездельники, что играли с нами в прятки, то считайте меня рыжим китайцем, — вполголоса заявил Роджер.

— В них есть что-то человеческое, — прошептала Уилла. — Разве вы не видите, какими разумными они выглядят? Смотрите, один из них даже перешептывается с другим.

Действительно, сходство было неоспоримым и стало еще более разительным, когда вся группа остановилась в тесном строю и те, что оказались позади, попытались протиснуться вперед. Физически, однако, они напоминали гигантских лягушек, стоящих на задних лапах. Их короткие руки казались совершенно бесполезными, длинные же, согнутые в коленях и очень длинные и мускулистые ноги были, судя по всему, приспособлены для быстрого плавания, так как от

икр отходил плавниковидный отросток, похожий на половинку рыбьего хвоста. Круглые светло-серые животы этих существ заметно выдавались вперед, а большие, вздернутые вверх рты полностью скрывали выпуклые глаза, за исключением тех случаев, когда они поворачивали головы из стороны в сторону, чтобы лучше видеть.

— Эй! — в качестве эксперимента крикнул я, размахивая руками.

Мой голос и движения дали немедленные результаты. Существа, как нам показалось, начали совещаться между собой, делая диковинные жесты своими пухлыми короткими ручками и громко болтая. Поскольку они не выказывали никаких враждебных намерений, а мы не сомневались, что сможем разнести весь их отряд на куски с помощью винтовок и динамита, мы подошли немного ближе, и наконец их голоса, которые заглушал шум прибоя, сделались слышнее. Они напоминали стайку школьников, хихикающих над каким-то забавным девичьим секретом. Не будь звери так отталкивающи, я бы громко расхохотался.

— Амфибии, — прошептала Уилла, когда мы снова остановились, опасаясь их спугнуть, так как они уже начали отступать к воде.

Теперь мы могли видеть, что спины у них были коричневато-зелеными и испещренными черными пятнами; этот окрас вместе со светлыми брюшками придавал им еще более заметное сходство с гигантскими лягушками. Время от времени одно из существ глубоко вздыхало и раздувало горло, как хамелеон. Мы снова слышали шлепающий звук, который так озадачил нас несколько часов назад — видимо, он происходил от всасывания воздуха в глотку.

Я вновь замахал руками, вызвав очередной приступ хихиканья. Затем одно из самых крупных существ (меньшее из них немного превосходило ростом среднего мужчину) подошло к нам чуть ближе и принялось шаркать ногами в своеобразном танце, в то время как остальные внимательно наблюдали, склоняя головы из стороны в сторону. Плавники на ногах танцора издавали странное хлопанье — тот самый звук, что мы слышали в пещере непосредственно пе-

ред обвалом.

— Должно быть, этот дьявол пытается нас заколдовать, — прошептал Роджер, следя за невиданным танцем. — Чем не африканский знахарь?

— Это так по-человечески... и в то же время не по-человечески, — выдохнула Уилла. — Что это может означать?

— Они разумны, — отозвался я. — И может быть, даже в большей степени, чем мы предполагаем. Только посмотрите, как пляшет этот парень!

— Это может быть своего рода приветствием, — предположила Уилла.

Затем Роджер испортил все веселье, разрядив винтовку в воздух. Танцор остановился, как будто пуля попала в него, и с внезапностью, заставшей нас врасплох, вся стайка подпрыгнула в воздух. Существа изящными длинными дугами взмыли над водой и погрузились в море почти без всплеска.

— Ну вот, теперь они скрылись, — разочарованно сказал я, глядя на волны.

— О, мы еще их увидим, — с уверенностью ответил Роджер. — Я просто хотел дать им понять, что не стоит слишком фамильярничать.

В течение нескольких минут мы обводили глазами море; после в нескольких сотнях ярдов от берега начали появляться темные головы. Некоторое время они подпрыгивали вверх и вниз, легко держась на воде и, несомненно, наблюдая за нами. Наконец Роджер выстрелил еще раз поверх голов, и существа исчезли.

Беглый осмотр их следов не выявил ни тени сомнения в том, что именно этих существ мы слышали в проходах под Гамлет-холлом. Мы пришли к выводу, что некоторые из числа наиболее предприимчивых созданий, вероятно, имели привычку бродить по ущелью и выбираться через колодец на террасу каверн под Гамлет-холлом. Там они случайно слышали голоса группы исследователей, то есть нас; они возвращались снова и снова в попытке разгадать тайну и в конце концов заманили трех людей с поверхности в подземную страну чудес.

Мы уже двинулись по берегу к линии утесов, когда внезапно и совершенно неожиданно все джунгли слева словно разлетелись на куски. Раздался хор леденящих кровь воплей и криков — звучали они так, будто орда дикарей собиралась выйти на тропу войны. Не успели мы обменяться хоть словом, как берег был наводнен сотнями амфибий, которые прыгали и кричали, точно сошли с ума.

Винтовка Роджера быстро загремела, и мой пистолет начал изрыгать свинец — динамитную бомбу я в замешательстве уронил и не мог ею воспользоваться. Уилла тоже начала стрелять, но вскоре мы осознали, что существа вовсе не собирались нападать на нас. Они бежали мимо нас в море. Первая группа, должно быть, была всего лишь разведывательной партией, и теперь основной отряд, испуганный первыми выстрелами Роджера, бежал из джунглей, очевидно, не считая их достаточно безопасным укрытием.

Несколько секунд берег кишел ныряющими в море амфибиями. Но вот, так же внезапно, как они появились, последнее существо исчезло под водой и поплыло к остальным. Мы ошеломленно озирались, едва осознавая, что вышли из пределки живыми — и не совсем понимая, что произошло. Затем мы увидели, что один из людей-лягушек не сумел убежать. Он неподвижно лежал на песке. Один из наших беспорядочных выстрелов попал в цель.

ГЛАВА IX

Если бы амфибии показали зубы, а не пятки, наше исследование затерянного мира, вероятно, закончилось бы прямо там, на берегу. Теперь же мы были уверены, что посеяли ужас среди этих полужверей и что отныне они будут либо вести себя с почтительным дружелюбием, либо так старательно нас избегать, что мы их больше не увидим, по крайней мере в опасной близости.

Десятки странных вытянутых голов покачивались на волнах к северу от берега, когда мы приблизились к убитому человеку-лягушке. Мы не могли точно сказать, насколько хорошо существа могли разглядеть берег на таком расстоянии, но надеялись, что они ничего не узнают. Смерть своего товарища они видеть не могли, так как он был убит во время их панического бегства в море.

— Если что-то и может сделать их опасными врагами, то только это, — с тревогой сказала Уилла, когда мы склонились над телом.

— Мы можем закопать его в песок, — ответил я. — Если они еще не знают, что произошло, то, возможно, никогда не узнают.

Осмотр тела выявил не так много нового. Кожа была липкой и эластичной, как у всех амфибий, проводящих много времени в воде. Раздвинув челюсти, мы с огромным облегчением увидели плоские, тупые зубы вегетарианца. Во всяком случае, мы могли не слишком опасаться, что их привлечет наша плоть; однако, как заметил Роджер, многие травоядные не прочь полакомиться самым нежным мясом. В других обстоятельствах я произвел бы вскрытие, хотя бы для того, чтобы определить размер и сложность мозга. Но я не забывал, что амфибии значительно превосходили нас численностью, и ничто не заставило бы меня подступиться с ножом к телу, в особенности на виду у наблюдателей с моря.

Роджер уже отстегнул от рюкзака лопату и начал рыть песок.

— Они следят за нами, — остановил я его. — Погодите,

я посмотрю, не смогу ли отпугнуть их еще одним выстрелом.

— Я думал об этом, — ответил Роджер, — но и так растратил чересчур много патронов.

Пистолетных зарядов оставалось еще достаточно, и я поднял пистолет и, взяв низкий прицел, выстрелил в направлении голов. Пуля прыгала с волны на волну, эхо выстрела раскатывалось в утесах — и почти все головы скрылись. Но несколько наиболее смелых существ отказались нырять даже после второго выстрела, а больше тратить заряды я не хотел. Пришлось копать могилу у них на глазах; правда, мы были почти уверены, что предосторожности ни к чему и амфибии не осмелятся напасть на нас, как бы мы их ни провоцировали.

Нам потребовалось всего лишь несколько минут, чтобы скатить тело в неглубокую траншею, которую мы выкопали, и засыпать его ровным слоем песка и гравия. Если бы амфибии из любопытства вернулись на берег, им было бы нелегко обнаружить могилу.

— Это будет хорошей проверкой их интеллекта, — сказал Роджер, когда мы закончили маскировать могилу, для верности разбросав сверху несколько ракушек. — Вернемся попозже и посмотрим, найдут ли они тело.

— А если найдут? — не отставала Уилла. — Это будет что-либо означать?

Роджер принужденно рассмеялся.

— Может быть, и нет. Надеюсь, что нет.

Он бросил на меня странный взгляд, и я пожал плечами. Думаю, мы все с неприятным чувством осознали, что, несмотря на всю обширность подземного мира, мы все еще оставались пленниками — пленниками в сердце охотничьих угодий полуобезьян, полурептилий-дикарей, чья истинная природа и возможности были нам неизвестны.

Несколько амфибий все еще покачивались на длинных гладких волнах к югу от утесов, когда мы покинули пляж, но к тому времени, когда мы поравнялись с первой из огромных скал, высившихся над береговой линией, все они исчезли. Осмотр местности с плато не выявил никаких признаков жизни в пределах видимости, не считая темного пят-

на на горизонте, которое мы приняли за отдыхающего после охоты в глубинах плезиозавра. Теперь Роджер вновь осмотрел окрестности в бинокль и затем заявил, что видел, как несколько амфибий выбрались на берег лесистого острова примерно в полумиле от берега. Он не исключал, что мог принять за амфибий склоняющиеся к воде пальмовые листья, но сама мысль о том, что существа могли жить на островах, была довольно любопытна, и лишь после долгого обсуждения мы решили оставить загадки амфибий на будущее, поскольку и без того неблагоприятно вмешались в их жизнь.

Рев прибора тем временем стал таким громким, что нам приходилось перекрикиваться, карабкаясь по скользким камням сквозь туман брызг. Гранитные скалы слева так далеко отступили от берега, что мы и не заметили бы, если бы в них открылось устье каньона. Высокие пышные пальмы и хвойные деревья первобытных джунглей почти совершенно скрывали подножие утесов. Не верилось, что затянутое облаками небо было каменным, а бескрайние на вид просторы моря ограничены колоссальными нагромождениями гранита в нескольких милях друг от друга. Воздух оставался чистым, хотя ветер изменил направление и вместо освещающего морского аромата приносил теперь запахи испарений далеких илистых болот. Светящиеся массы изливали на стены и купол ровный немигающий свет. Мы были убеждены, что в этой стране неизменного прошлого никогда не наступала темнота; стоит ли говорить, как мы этому радовались!

Неподалеку от скопления скал мы наткнулись на громадное логово существ, похожих на летучих мышей. Они вылетали из расщелин и трещин бесчисленными стаями и на миг так плотно окружили нас, что мы стали буквально задыхаться, и нам пришлось отмахиваться от них, прежде чем мы смогли продолжить путь. Эти создания были так любопытны и глупы, что садились нам на плечи и головы, как волопасы на спины коров. Я без труда поймал одно из них. Зубастый клюв и колючий хвост обнаруживали явное сходство с рептилией — еще одно доказательство древности этого

первобытного затерянного мира.

Потребовался целый час и немалые усилия, чтобы преодолеть остававшийся участок каменистой полосы. Наконец грохот прибоя остался позади, и мы, выйдя на ровный берег, присели отдохнуть на краю высокой плиты, откуда открывался вид на джунгли и пляж. Слева огромные леса доисторической растительности восходили естественными террасами к туманным гранитным утесам; не будь справа от нас водного пространства, могло бы показаться, что мы очутились посреди океана тропической зелени.

Мы некоторое время осматривали эту дикую местность, прежде чем я заметил в лесу движение, которое не мог приписать ветру. То, что сперва показалось мне искривленным стволом пальмы, извивалось и клонилось в разные стороны вне всякой связи с шевелением листьев и ветвей кругом. Порой загадочный ствол замирал в полной неподвижности, в то время как соседние листья и ветви продолжали раскачиваться и кивать.

— Вот загадка для ваших окуляров! — крикнул я Роджеру. — Видите тот странный ствол у края террасы, как раз по эту сторону большой лиственницы с голой веткой?

Он немедленно навел бинокль на указанное место, а я ненадолго отвернулся, чтобы дать отдых глазам.

— Очень забавный ствол, — сообщил через минуту Роджер. — Если это дерево, то его ветви скрыты за листвой гигантского папоротника, что едва ли возможно. Возьмите бинокль, Боб. У меня уже все расплывается перед глазами.

Пока я наводил бинокль на фокус, Уилла тоже заинтересовалась нашим открытием и стала пристально вглядываться в джунгли. Не понадобилось и секунды, чтобы понять, что передо мной вовсе не ствол дерева — предмет со змеиной гибкостью изогнулся у вершины и начал сворачиваться, как огромный удав. И все же я не был готов увидеть на верхнем конце движущегося ствола колоссальную голову. Она смотрела прямо на меня поверх ветвей папоротника и выглядела в окулярах такой близкой, что я, казалось, мог дотянуться рукой до громадных треугольных челюстей, из которых свисала груда листьев.

Я невольно вскрикнул, отведя от глаз бинокль. Уилла и Роджер и без слов поняли, что нам встретился еще один страшный обитатель пещерного мира. Теперь, когда его голова возвышалась над листьями, обмануться было нельзя.

— Динозавр! — воскликнула Уилла.

— Он похож на гигантского безволосого жирафа! — вскричал Роджер. — Клянусь небесами, зверь, кажется, нас заметил!

Я так и не успел что-либо сказать — в то время, как мы рассматривали голову и длинную шею животного, из-за деревьев под нами послышался громкий треск, и чьи-то тяжелые ноги принялись топтать и размалывать в порошок лианы и папоротники. Верхушки деревьев внезапно пришли в движение, и из зарослей высунулась огромная рогатая голова. Она висела так высоко над землей, что казалась подвешенной на невидимых канатах. За головой потянулась длинная шея; поводя ею вверх и вниз и из стороны в сторону, чудовище осматривало окрестности. Когда оно добралось до более низкого подлеска, стали видны короткие и четырехпалые передние лапы, как у кенгуру; но полностью тело так и не показалось, таким оно было длинным и массивным. Лишь благодаря тому, что мы находились на высокой скальной площадке, приходившейся немного выше глаз рептилии, мы нашли в себе мужество остаться на месте и удовлетворить свое любопытство.

— Этого парня можно остановить только динамитом, — выдавил Роджер.

В сравнении с чудовищным зверем наши винтовки действительно казались игрушечными пневматическими ружьями. Я нагнулся за бомбой. На сей раз я решил держать ее наготове и не мешкать, как во время столкновения с убегающими амфибиями.

Но никакой срочной необходимости в обороне, похоже, не было, и я не собирался открывать военные действия против этого колосса. Чудовище, чуть присев на громадных задних лапах, неловко выпрыгнуло из густого подлеска в поросшее кустарником болотце прямо под нами, волоча за собой огромный, сужающийся к концу хвост. Теперь уже не

оставалось сомнений, что мы столкнулись с гигантским динозавром, повелителем мезозойских лесов. Мы, однако, и не подумали о бегстве: глупость и неуклюжесть этого существа были очевидны с первого взгляда.

Чудовище, казалось, смутно ощущало присутствие чужаков поблизости — вероятно, оно учуяло наш запах. Но зрение динозавра было настолько несовершенным, что он не мог отличить нас от замшелых валунов, на фоне которых мы стояли. Он продолжал мотать длинной шеей из стороны в сторону и порой наклонял голову к земле, на что ему требовалось немало времени из-за огромного роста, составлявшего, насколько можно было судить, более сорока футов. Зверь издал несколько хриплых гортанных звуков, чем-то напоминавших многократно усиленное хрюканье свиньи. Затем он внезапно выпрямился на мощных задних лапах, используя хвост как опору, причем его голова оказалась даже выше нашей площадки. Уилла отшатнулась.

— Не бойтесь! — воскликнул я. — Он не сможет добраться до нас, если только не начнет карабкаться на камни. А в этом случае я угощу его бомбой.

— Да посмотри на него хорошенько, — поддержал меня Роджер. — Он туп, как овца. Боб всегда успеет снести ему голову динамитом, если он вздумает причинять неприятности.

Уилла едва успела успокоиться и снова занять свое место между нами, как динозавр повернул голову в нашу сторону и раскрыл пасть. Должно быть, он наконец нас заметил, так как немедленно повернулся к джунглям, и его невыразительная морда отразила даже некоторое возбуждение. Сделав глубокий вдох и раздувая чешуйчатые бока, динозавр издал протяжный гнусавый рев, тот самый звук, который я слышал вдалеке несколько часов назад и уподобил трубному призыву слона.

Мы посмотрели в сторону леса, где увидели первого динозавра. Теперь он был в движении и приближался к нам, словно по зову своего собрата или брачного партнера. Вскоре первый динозавр издал ответный рев, и шум, порождаемый его неуклюжим бегом, начал быстро нарастать. Вдруг

прозвучал резкий крик Роджера. Он размахивал руками, предупреждая нас, что рев динозавров вызвал неожиданный и более опасный отклик. Мы увидели, как на востоке вынырнули из облаков два птеродактиля, видимо, поднявшиеся со своего гнезда на одном из дальних островов. На мгновение парализованные этим зрелищем, мы отступили от края плиты.

— Заберемся в расселину! — воскликнул Роджер, когда мы стали искать укрытие. — Бежать уже поздно, они могут нас заметить.

Неподалеку от нас лежали близко друг к другу два огромных валуна. Мы бешено рванулись к камням и втиснулись в щель между ними, порядком ободрав руки и ноги. Расщелина была такой узкой и глубокой, что птеродактили не смогли бы добраться до нас и в то же время оказались бы во власти наших винтовок и динамита. Кроме того, из расселины мы могли видеть все происходящее.

Пока мы спасались бегством, первый динозавр выскочил из-за деревьев и присоединился к своему товарищу в зарослях кустарника. Оба они, должно быть, обнаружили птеродактилей слишком поздно, чтобы избежать столкновения, либо же были готовы сражаться с ними. Во всяком случае, к нашему великому облегчению, птеродактили увидели динозавров и ринулись к ним, пикируя вниз, как два фантастических моноплана.

Последовавшая за этим внезапная вспышка визга и рева показала нам почти такой же ужасающей, как если бы добычей стали мы сами. Громоподобный плеск крыльев и топот ног сливались с воплями чудовищ в ужасающей какофонии. Птицеящеры пикировали, атакуя динозавров. Огромные зубы сверкали и скрежетали, раздирая ороговевшую плоть, жуткие когти царапали спины и бока. Две расы чудовищ, вероятно, были смертельными врагами — так яростно они нападали друг на друга. В течение нескольких секунд бьющиеся крылья птеродактилей заслоняли от нас поле боя, но вскоре стало очевидно, что динозавры потерпели поражение, несмотря на преимущество в весе и твердую опору под ногами.

Первый птеродактиль вцепился когтями в спину одного из динозавров по обе стороны позвоночника, пытаясь помешать врагу бежать в джунгли и молотя по воздуху своими мощными крыльями. Другой динозавр сумел скрыться под сень высоких деревьев, где его противник оказался в затруднительном положении и задевал крыльями за ветви. Кончилось тем, что оба птеродактиля решили сосредоточиться на динозавре, все еще остававшемся на открытом месте. Казалось, ужасная дуэль завершится трагедией. Но динозавр, отбиваясь изо всех сил и разрывая когтистыми лапами кустарник и дерн, медленно отступил в лес, увлекая за собой противников.

Птеродактили еще долго не отставали от динозавра, пытаясь подцепить его когтями и поднять в воздух. Но после того, как один из них запутался в деревьях и оставил в зубах динозавра большой кусок крыла, птицеящеры были вынуждены отступить. Они взмыли над джунглями, издавая леденящие кровь вопли; с их когтей капала кровь, а зловоние разъяренных рептилий вызывало тошноту.

— Кстати, о битвах, — сказал Роджер, когда мы выбрались из расщелины и оглядели истоптанный, окровавленный подлесок. — Думали ли вы, что когда-нибудь увидите такое? Рядом с ними бешеные львы покажутся игривыми котятками!

— Слушайте! — внезапно воскликнула Уилла.

Мы замолчали, наблюдая за джунглями. Деревья раскачивались и потрескивали, отмечая путь раненого динозавра. Звуки, что привлекли внимание Уиллы, несомненно исходили от пострадавшего гиганта. Его крики странно напоминали стоны раненых людей на поле боя; учитывая размеры и свирепость рептилии, эти стенания звучали необычайно жалобно и печально.

— Он зовет своего спутника, — предположила Уилла.

Она была не единственной, кто сочувствовал динозаврам — с самой первой встречи мы стали ненавидеть и бояться дьявольских птеродактилей.

Убедившись, что все чудовища скрылись и не могли нам навредить, мы сейчас же спустились вниз, обогнули изги-

бающуюся кромку джунглей и вышли на пляж. Но далеко мы не ушли: усталость снова взяла свое, и мы разбили лагерь посреди широкого участка ровного песка, где никакой враг не смог бы подобраться к нам незаметно.

Огромное количество пла́вника, большая часть которого была сухой, как трут, позволило нам развести костер — первый за много часов. Хотя мы не нуждались ни в свете, ни в тепле, огонь был самым бодрящим зрелищем с тех пор, как несчастный случай с бомбой заключил нас в подземную тюрьму. Потрескивающий костер казался утешительным подтверждением того, что где-то наверху, над жуткими атавизмами доисторического века, все еще существует цивилизованный мир. Хотя вечер был очень теплым, Уилла даже вздрогнула и протянула руки к пламени. Сидя на корточках по-индейски вокруг нашего костра, мы словно отгораживались от глубокого ужаса, охватившего нас при виде битвы динозавров.

К счастью, не пробыв в лагере и получаса, мы услышали шум на краю джунглей и, осторожно подобравшись к деревьям, обнаружили несколько рептилий размером не более оленя, которых мы отнесли к небольшим травоядным динозаврам. Думаю, их привлек запах дыма от нашего костра. Мы подстрелили одну из безобидных рептилий, решив проверить съедобность мяса на месте и установить, есть ли у нас шансы выжить в подземном мире после того, как закончатся запасы провизии.

Несколько минут спустя мы жарили бифштексы из мяса динозавра на раскаленных углях, слегка вспотев, но наслаждаясь пикантным ароматом свежего жаркого и надеясь, что оно будет таким же вкусным, как и запах.

Мясо оказалось вполне приемлемым, а любителю морских продуктов оно даже показалось бы деликатесом. По вкусу динозавр напоминал морскую черепаху. Роджер с Уиллой сравнили его мясо со стейком из игуаны, который они отведали в тропиках во время одной из своих охотничьих поездок. Впервые со дня катастрофы мы поужинали так сытно.

— Если эти карликовые динозавры водятся здесь в изо-

бии, нам не придется беспокоиться о мясе, — радостно заявил после ужина Роджер. — Мы сможем прожить здесь всю оставшуюся жизнь, если понадобится.

Мы с Уиллой, услышав это невинное замечание, обменялись многозначительными взглядами, и мое сердце екнуло: я понял, что беда очень сблизила нас. Здесь, за пределами цивилизации и всего с ней связанного, богатство Энсона казалось препятствием смутным и несущественным. Сколько бы я ни утверждал, что несчастье — не лучшее подспорье для влюбленного, я знал, что не смогу удержать при себе свои чувства, если только мы вскоре не выберемся из этой гробницы затерянных веков.

ГЛАВА X

Странна была наша первая ночь в затерянном мире, но мы едва это заметили. Нервное напряжение в конце концов уступило потребности во сне, и в девять вечера по времени вечно сумеречного пещерного мира мы с Уиллой разошлись по нашим песчаным постелям, оставив Роджера в одиночестве расхаживать по берегу: Уилла настояла на том, что обычный порядок дежурств должен сохраняться без всяких поблажек для нее самой.

Опасаясь привлечь гостей поопасней, чем карликовые динозавры, мы потушили костер, радуясь, что были хотя бы избавлены от темноты, которая усложнила бы наше положение. Берег казался нам всем самым безопасным местом. Здесь мы могли с наибольшей выгодой использовать наши глаза, ноги и оружие; и пока один из нас стоит на страже, нам нечего страшиться неожиданного нападения с суши, моря или воздуха.

Вскоре после полуночи, в начале вахты Уиллы, выстрел ее ружья пробудил меня от глубокого сна. Роджер так и не проснулся — после утомительного дежурства он свалился, как мертвый. Вскочив на ноги и схватив динамитную бомбу, я увидел, что из джунглей к западу от лагеря вышел гигантский ящер и теперь изучал нас, медленно покачивая головой. Перед динозавром решительно, как Ариэль перед Калибаном*, стояла Уилла со своей винтовкой,

Я не стал тратить время на попытки разбудить Роджера, а кинулся прямо к Уилле, поджег фитиль и бросил бомбу в голову чудовища. Взрыв окутал зверя огромным облаком песка, но, похоже, не произвел серьезного эффекта. Я уже готов был в отчаянии бросить еще одну бомбу, когда гора плоти вдруг развернулась и заковыляла прочь по бере-

* Персонажи пьесы Шекспира «Буря» (ок. 1610-1611), соответственно воздушный дух и чудовище или получеловек-получудовище. Сравнение объясняется также тем, что роль Ариэля до XX в. обычно исполняли женщины (*Прим. перев.*).

гу, пережив взрыв, который и слона сбил бы с ног. Длина чудовища, по моей оценке, доходила до ста футов, включая огромный хвост. Оно оставило на песке большие и глубокие, бочкообразной формы следы. Видимо, это был бронтозавр, один из самых крупных динозавров. Он передвигался на четырех слоновьих ногах, голова же у него была широкая и круглоносая, как у тритона.

Пока мы с Уиллой, не в силах поверить в нашу удачу, смотрели вслед существу, примчался разбуженный взрывом и тяжело дышащий Роджер. Он как раз успел увидеть, как бронтозавр неуклюже свернул в джунгли.

— Не хотелось бы мне повстречаться с этим ящером, когда он голоден, — заметил я.

В ушах у меня по-прежнему звенело от взрыва, а Уилла все еще оставалась бледна. Было ясно, что, несмотря на всю ее необычайную храбрость, пережитые испытания начинали на ней сказываться.

— Пусть лучше Боб подежурит вместо тебя, — предложил Роджер.

Но Уилла была твердо намерена играть роль мужчины и храбреца.

— Ложитесь спать, цветы рыцарства, — царственно приказала она нам. — Любой из вас испугался бы на моем месте. Я пустилась в эту авантюру ради приключений, не так ли? Что ж, приключений у нас достаточно, и мне это нравится.

Роджер быстро покинул поле боя, оставив Уиллу хозяйкой положения, а я вскоре сдался. Втайне я восхищался ее стойкостью, но знал, что льстить ей не стоит. Притворившись, что собираюсь еще поспать, я без сна лежал на песке, прислушиваясь к нервным шагам Уиллы Энсон и раздумывая, какие еще опасности уготовила судьба той, кто была для меня дороже жизни. Мне и в голову не приходило, что мы можем не пережить наши беды и никогда вновь не увидеть внешний мир. Моя любовь к Уилле отвергала всякое уныние. Я решил, что больше не буду спать в эту ночь: пусть Уилла думает, что стоит на часах одна. Кажется, я начал размышлять, не стоит ли мне встать и поговорить с ней,

сославшись на бессонницу — но тут я крепко заснул и проснулся лишь в три, когда вахта Уиллы закончилась и она принялась меня тормошить.

— Все в порядке, — торжествующе сообщила она. — И кого же нам за это благодарить?

Пока я глядел на Уиллу, протирая глаза, мне очень хотелось сказать, что я готов всю жизнь оказывать ей подобные услуги. Но вместо этого я лишь глупо изрек:

— Надеюсь и впредь быть полезным.

Уилла дернула за козырек моей кепки, надвинув ее мне на глаза, пробормотала что-то вроде «надо же, какой степенный» и быстро устроилась в углублении, которое я вырыл в песке. Засыпая, она помахала мне тонкой загорелой рукой. Даже столь ничтожное выражение растущей близости балзамом пролилось на мои изголодавшиеся чувства и, расхаживая по берегу, я пошатывался, как пьяный. У меня возникло дикое, необъяснимое желание забарабанить кулаками в грудь и вызвать всех гигантов подземного мира на смертельную схватку; но, к счастью, мой экстаз быстро сменился холодными размышлениями о путях и способах бегства из отравленной страны чудес, где любовь обещала расцвести вдалеке от священников и обетов.

Так прошел почти час, и вдруг, повернувшись лицом к джунглям, услышал легкий всплеск у берега. Я быстро обернулся и вздрогнул, увидев трех амфибий, которые плыли по волнам в сотне ярдов от берега. Стоя очень тихо, я заметил, что они медленно загребали задними ногами, стараясь держаться на месте. Не приходилось и думать, что они попали сюда случайно, и в их появлении бесспорно было нечто зловещее. Для пробы я вскинул винтовку и прицелился в них. К моему удивлению, рептилии тут же ушли под воду и вынырнули несколько дальше от берега и на большем расстоянии друг от друга. Я опять вскинул винтовку, и они вновь мгновенно и с какой-то пугающей предусмотрительностью погрузились в воду. Без сомнения, они уже поняли, как действует огнестрельное оружие. Мысль о том, что они в течение последних часов наблюдали за нами издалека, с моря или с одного из островов, приводила меня в еще большее за-

мешательство, но я отбросил дурные предчувствия и, когда амфибии вынырнули в третий раз, не стал пугать их оружием.

Вскоре после шести проснулся Роджер — он всегда был ранней птичкой. Я указал ему на шпионов-амфибий: они пристально смотрели на нас круглыми, выпученными глазами, пошевеливая в воде задними ногами.

— Ага, сюжет усложняется! — воскликнул Роджер, когда я рассказал ему, как восприняли амфибии винтовку. — Сегодня мы первым делом вернемся к могиле. Если они откапали тело, ждите неприятностей. Их страх перед ружьем может ничего не значить: возможно, они просто запомнили пугающий грохот и давку на берегу. Но если они хоронят своих мертвецов, берегитесь. Единственное млекопитающее, которое так поступает — это человек.

Значило ли это, что амфибии были промежуточным видом антропоидов, эволюционировавшим на протяжении миллиона лет в затерянном в бездне пещерном мире? Заключение, мягко говоря, тревожное — но все свидетельства, казалось, его подтверждали. Тем не менее, мы старательно не обращали внимания на шпионов, решив, что лучше будет не проявлять перед ними наше беспокойство.

Мы развели новый костер подальше от спящей Уиллы и принялись жарить основательную часть туши динозавра с целью пополнить нашу переносную кладовую. Пока мы трудились у огня, переворачивая мясо, Роджер завел разговор о наших дальнейших действиях, обрисовав план, который вынашивал уже некоторое время. Нужно, сказал он, построить плот из легкого и прочного дерева, вынесенного волнами на берег; из курток и рюкзаков мы соорудим парус, а в отсутствие ветра будем грести самодельными веслами.

— Морским путем мы покроем гораздо больший отрезок побережья и сделаем это в два раза быстрее, чем по суше, — доказывал он. — И если мы собираемся выбраться отсюда в ближайшее время, придется немного пошевелиться. Мне кажется, шансы на то, что спасательный отряд доберется до нас хотя бы через несколько месяцев, крайне малы. Обнаружив обвал в Гамлет-холле, спасатели скорее все-

го решат, что мы погибли. А кроме того, держу пари, что Пит до сих пор спокойно ждет нашего появления из пещеры. Он сделает несколько ходок через хребет и только тогда заподозрит неладное. А после этого пройдут недели, прежде чем нас попытаются откопать — если вообще попытаются.

— Короче говоря, посмотрим фактам в лицо: от нас зависит, выберемся ли мы отсюда живыми, — подытожил я. — Одно можно сказать наверняка: прорыть шахту от Гамлет-холла до той системы коридоров, по которой мы сюда добрались, будет огромным инженерным подвигом. Гамлет-холл, вероятно, обрушился по всей своей длине, и понадобится дюжина пробных шахт, чтобы найти последнюю из наших пирамидок, если только мы не найдем способ связаться со спасателями.

— Ну, на Эда Стратерса мы можем рассчитывать в любом случае, — подбодрил меня Роджер. — Он поймет, что произошло, как только узнает, что мы пропали. В Ван Маре я также не сомневаюсь. Ни один из них не успокоится, пока нас не найдут живыми или мертвыми. О боги, если бы они только знали, куда завел нас этот проклятый след!

Мы тут же решили построить корабль и выйти в море.

Уилла все еще спала, когда мы сняли ботинки и носки, закатали штанины и принялись за работу, перетаскивая бревна на мелководье и связывая их вместе на толстых поперечинах с помощью запасного троса. Стук походного топора разбудил Уиллу, которая пришла в большой восторг, когда узнала, чем мы занимаемся.

Искусные руки Уиллы оказались не лишними, и вскоре мы завершили постройку палубы и киля нашего неуклюжего судна. Я несколько лет прослужил на флоте и немного разбирался в парусных судах, в то время как Роджер был опытным яхтсменом. Тем не менее, мы зашли в тупик, когда дело дошло до мачты — возможности у нас были довольно ограниченные, не говоря об инструментах. Затем Уилле пришла в голову счастливая мысль закрепить под плотом бревно в качестве опоры для мачты, которую мы пропустили сквозь отверстие в палубе. Роль мачты играл грубо обтесанный шест, укрепленный между короткими бревнами

на деревянных колышках; последние мы вбили в отверстия, проделанные в палубе буром.

Мачта, привязанная ко всем четырем углам плота остатками троса, стояла нерушимо, и мы убедились, что ничто, кроме урагана, не могло затопить наш корабль.

Три амфибии по-прежнему наблюдали за нами, когда мы устроили перерыв для позднего ленча. За все утро они почти не изменили своего положения. Но успех нашего морского предприятия интересовал нас куда больше, чем странные существа из подземного мира и, отдохнув, мы занялись парусом.

Гиком послужил длинный и твердый обломок дерева, очищенный от коры. Между ним и мачтой мы натянули лоскутное полотнище. Плот с провисшим парусом напоминал бедное рыбацкое суденышко, и мореходные качества этого сооружения пока оставались сомнительными. Но вот мы сдвинули гик, морской ветер наполнил парус и под радостные крики наше судно скользнуло в море, вскоре став носом к ветру; тогда мы привязали его к врытой в песок колоде. Плоучесть плота объяснялась легкостью бревен, которые напоминали пробку и сидели в воде очень высоко. Нам не терпелось испытать корабль в настоящем плавании, и мы поспешно погрузили на борт наши припасы и выплыли на мелководье. Здесь Уилла разбила о нос наполненную водой морскую раковину и, заручившись единодушным согласием команды, окрестила наше судно «Бродягой».

— Йо-хо-хо! — пропел Роджер, когда ветер наполнил наш импровизированный парус и тяжеловесное судно начало двигаться без помощи весел.

Я повернул гик и услышал, как Уилла пробормотала:

— И никаких сундуков мертвецов и Дэви Джонса!*

Роджер был за рулевого, используя вместо румпеля весло, Уилла же играла на палубе роль марсового. Мы вышли в море довольно скоро, хотя плот часто отваливался от ветра из-за отсутствия подходящего кия, что вполне оправды-

* Дэви Джонс — морской дьявол, злой дух моря в фольклоре британских моряков (*Прим. перев.*).

вало имя «Бродяги». Сомневаюсь, что амфибии когда-либо видели такое чудовищное морское существо, как наш плот: когда мы проплыли мимо них, они нырнули, долго оставались под водой и вынырнули уже вдалеке.

В полумиле от берега, ободренные неожиданной маневренностью и устойчивостью плота, мы повернули к тому месту, где накануне похоронили человека-лягушку — с попутным ветром за кормой и большими надеждами в груди.

ГЛАВА XI

— Три узла в час! — ликующе воскликнул Роджер, когда мы поравнялись с небольшой группой островов.

Он не объяснил, как пришел к этой явно преувеличенной оценке нашей скорости, и я счел ее не более чем догадкой. У островов нас подхватило сильное северное течение, увлекая плот вперед; парус раздувался, и мы и мечтать не могли о лучшем начале нашего странного морского круиза в глубинах земли.

Вскоре после того, как острова остались за кормой, на нас накатил волна, но вода была такой теплой, что мы не особенно жаловались, тогда как наше снаряжение было надежно защищено от влаги. Мы начали переключать руль и парус, чтобы избежать нового потопа, когда Уилла сообщила о морском чудовище, приближающемся к нам с запада — предположительно, ящере. Глядя в полевой бинокль, она сказала, что зверь движется очень быстро. Хотя ящер оставался пока невидим для нас с Роджером, мы приготовились к стычке. Однако, не успел я нарезать сухих фитилей для нескольких динамитных шашек, как напряжение спало: чудовище, по словам Уиллы, повернуло на юг и с бешеной скоростью понеслось по волнам. Как видно, оно нас не заметило или же, наоборот, нашло для себя более привлекательную добычу.

Менее чем через полчаса мы миновали каменистый берег, который накануне пересекли пешком. Описав в море дугу из опасения разбиться о подводные рифы, мы направились к пляжу, где похоронили амфибию. Как только скалы остались позади, Уилла крикнула, что видит скелет морского чудовища рядом с могилой.

— У могилы что-то движется, — нервно добавила она. — Похоже, несколько этих маленьких динозавров.

— Амфибий не видно? — спросил Роджер.

— Возле могилы их нет, — мгновение спустя отозвалась Уилла. — Но в воде напротив скелета виднеются какие-то темные предметы, возможно, головы. Да, это головы амфи-

бий! Одно существо только что вынырнуло из воды, как черепаха. А сейчас они все нырнули.

Я на время потерял интерес к наблюдениям Уиллы, обнаружив, что течение, которое помогало нам до сих пор, теперь угрожало унести плот далеко от того места, где мы намеревались высадиться. Я как можно резче привел гик к ветру, убавил парус, закрепил гик и принялся работать веслом. Роджер пришел мне на помощь, и мы несколько минут гребли, как троянцы, пока мы наконец не вырвались из лап течения; парус вновь расправился, и плот послушно двинулся к берегу.

Вскоре мы закачались на волнах прибоя, и возглас Уиллы заставил нас с Роджером вздрогнуть.

— Могилу действительно вскрыли, — вскричала она. — Я вижу груды песка на том месте, где мы похоронили тело.

Животные, которых мы видели издалека, оказались карликовыми динозаврами, как и предполагала Уилла, но все они исчезли в джунглях к тому времени, когда днище плота заскрежетало о песок на мелководье в сотне ярдов от могилы. Теперь мы и без бинокля видели, что могила была раскопана. Убедившись, что поблизости нет никаких врагов, я сбросил ботинки и побрел к берегу. Состояние мертвого тела, котором мы так долго раздумывали, внезапно приобрело для меня первостепенное значение.

Надеясь, что могилу не разграбило никакое существо разумней хищной рептилии, я поспешил к кучам песка, в то время как Роджер и Уилла прикрывали меня с винтовками. Наконец я добрался до могилы, и мой пытливый взгляд встретила зияющая пустотой яма. В ней не было ни единого обломка кости или лоскута кожи, что могло бы свидетельствовать о визите плотоядного грабителя. На песке вокруг отчетливо виднелись следы многочисленных амфибий, вплоть до отпечатков их пухлых рук на стенках ямы и в грудках песка.

Я повернулся и пошел обратно к плоту, встревоженный этим доказательством разумности наших врагов. Вид у меня, надо полагать, был такой мрачный, что Роджер и Уилла без слов прочитали недоброе известие на моем лице и, когда я снова оказался на борту, не стали задавать никаких

вопросов.

— Значит, отныне мы в состоянии войны с амфибиями, — заключил Роджер. — Но нам повезло: мы заранее узнали, чего можно ждать от этой шайки. Теперь мы, по крайней мере, можем обращаться с ними, как с дикарями из нашего мира, что означает — осторожно. Эй, это еще что такое?!

Уилла, тяжело дыша, отпрянула назад, глядя на воду за нашими спинами.

— Амфибии! — воскликнула она.

Мы обернулись.

— Где? — воскликнул я, поначалу не видя ничего, кроме волн.

— Под водой! — крикнула она в ответ. — Их сотни — как тени. Видите, один из людей-лягушек метнулся влево?

Потом я все-таки увидел, и Роджер тоже — жуткое зрелище. Десятки амфибий, смутно различимых в прозрачной воде, собрались на мелководе, словно стая гигантских рыб. Они парили над дном, как рой мстительных духов моря. Едва понимая, что делаю, я поджег фитиль динамитной бомбы и швырнул ее в воду.

Взрыв окатил нас огромным фонтаном соленой воды и ила. Когда последние брызги опали, я насчитал восемь амфибий, качающихся брюхом вверх на волнах. Остальные отступили в глубину или пытались прийти в себя. Их отвратительные тела странно подергивались.

— Зачем вы это сделали? — укоризненно воскликнул Роджер, едва мы оправились от довольно-таки ошеломляющих последствий взрыва.

— Не знаю, — неуверенно ответил я. — Это была своего рода паническая реакция. В любом случае, мы преподали им урок, который они не скоро забудут.

Уилла, напротив, нашла оправдание для моего импульсивного поступка.

— Я рада, что вы это сделали, — сказала она. — Мы не знаем, что замыслили эти потусторонние существа. Они могли бы стащить нас с плота и... — голос Уиллы затих в шепоте ужаса, когда перед ней предстало видение того, что мог-

ли сотворить с нами люди-рептилии.

Ее испуг заставил меня осознать, на какой серьезный риск мы пошли.

— Я за то, чтобы оставить плот здесь и сейчас, пока мы можем его покинуть, — объявил я. — Более того, я думаю, нам лучше будет вернуться в галерею под Гамлет-холлом. Мы можем ждать там помощи извне, а не воевать с этими дикарями-полурептилиями. Здесь не место для... — я хотел произнести «женщины», но осекся... — человека.

Роджеру даже не понадобилось возражать — за него все высказала Уилла.

— Вы боитесь за меня, Боб! — с отвращением бросила она. — Я этого не потерплю. Мы продолжим исследование этой полости. Ни шагу назад к Гамлет-холлу, пока мы не убедимся, что отсюда нет выхода.

Я почувствовал облегчение: к лучшему или к худшему, вопрос был решен, и мне оставалось лишь уступить напору Энсонов и помочь им выйти в море. Одно утешало — моя динамитная бомба показала амфибиям, что наше оружие способно достать их и под водой, и отныне они подумают дважды, прежде чем приближаться к плоту.

В полной мере воспользовавшись глубоководным течением, мы еще быстрее обогнули мыс и довольно весело начали пересекать горловину залива — с утеса над ним мы впервые увидели подземное море и спустились в подземную страну. Внезапно с плато на утесе взмыли три птеродактиля, повергнув нас в кратковременную панику. Чудовища, должно быть, обнаружили на плато спрятанный нами труп своего убитого соплеменника: ведь запах мы скрыть были не в состоянии.

— Пусть плот дрейфует по течению, — крикнул Роджер, хватая винтовку. — Сейчас мы устроим этим падальщикам теплый прием. Будем отстреливать их по одному, а если они налетят одновременно, прыгайте за борт. Мы можем добраться до берега и вплавь.

Мы собрались в центре плота и, принаравливаясь к качке, стали ждать нападения птицеящеров. Они, без сомнения, заметили нас и теперь кружили над заливом, готовясь спи-

кировать на плот. Пока они находились в воздухе, мои динамитные бомбы были практически бесполезны, и я вытащил пистолет.

Издав скрежещущий визг, передний птеродактиль начал кругами спускаться вниз, раскрыв челюсти и показывая свои зазубренные клыки. Когда до зверя оставалось не более двухсот ярдов, Роджер хладнокровно отдал команду и мы дружно выстрелили в гигантскую грудь. Чудовище страшно закричало, резко понеслось к воде и рухнуло головой вперед в море. Его огромные бьющиеся крылья вспенили волны с грохотом артиллерийской канонады.

Гром наших выстрелов и падение первого птеродактиля на миг отпугнули остальных. Наш второй залп, произведенный с большего расстояния, был не так удачен, как первый; однако и в этот раз мы сосредоточили наши выстрелы на ближайшем звере, тяжело ранив его. Низко кружа над водой, чудовище тяжело пролетело в опасной близости от плота, и мы дали по птеродактилю еще один залп, когда он отклонился в сторону. Третий и последний птицеящер, увидев, что один хищник беспомощно плывет по морю, а другой лишь слабо хлопает крыльями, поднялся выше и в конце концов улетел на северо-восток, уступив победу нам.

— На некоторое время это послужит им уроком, — ликовал Роджер. — Кстати, о крупной дичи: я уже предвкушаю охотничий рассказ!

— Если мы выживем, — вставила Уилла, — и осмелимся рассказать.

Вновь заняв свои посты рулевого, вахтенного и дозорного, мы отплыли из бухты, но не раньше, чем с ужасом увидели, как неведомое морское чудовище утащило мертвого птеродактиля в глубину. Нам пришла в голову мысль о том, что и «Бродягу» может постигнуть та же участь; однако мы надеялись, что бревна обманут морских хищников и те решат, что плот — просто болтающаяся по волнам коряга.

Мы проплыли почти два часа в юго-восточном направлении, прижимаясь к берегу, чтобы в случае крушения иметь возможность доплыть до суши. В стенах огромного купола не было заметно никаких проходов, которые оправдали бы

высадку на берег. В четыре мы пересекли южную оконечность подземного моря, приблизившись к северо-восточному изгибу берега. Джунгли здесь были несколько более редкими, прибрежная зона состояла в основном из упавших сверху камней и тонн намытого морем песка. Стены подходили так близко к воде, что несколько раз мы подплывали к ним на расстояние фарлонга. Затем ветер вдруг с силой погнал нас к берегу, и почти одновременно мы заметили над джунглями зев большой пещеры.

— Что скажете, если мы привяжем здесь плот и заглянем в этот проход? — предложил Роджер. — Фляги, в любом случае, практически пусты. Нам нужно пополнить запасы пресной воды.

Я хорошо помню, что никаких амфибий не было видно, когда мы пришвартовали плот к полузатопленному древесному стволу у берега. Тем не менее, мы взяли с собой наше снаряжение, вплоть до камеры и двух налобных фонарей, так как не хотели рисковать тем, что оно будет уничтожено или унесено хитрыми созданиями.

Пещера, поманившая нас, оказалась сплошным разочарованием. Через четверть мили густой темноты она быстро уменьшилась до узкой щели, куда мы не смогли протиснуться. Но родниковая вода текла здесь в изобилии, и мы даже попали под миниатюрный ливень, прежде чем вернулись в сумерки пещерного мира и внутреннего моря.

Выбравшись из чащи как раз над тем местом, где мы пришвартовали «Бродягу», мы с удивлением увидели, как с берега в море поспешно бросились амфибии. Их было около дюжины. Поспешив к плоту, мы обнаружили, что вернулись как раз вовремя: швартов был наполовину прогрызен. Задержись мы хоть на минуту, и наш драгоценный корабль уплыл бы в море, подгоняемый четырехпалыми руками и перепончатыми ногами.

Мы снова взобрались на борт, свернули парус и двинулись по мелководью против ветра, отталкиваясь шестами или гребя веслами в более глубоких местах. Мы уже собирались где-нибудь пришвартоваться и разбить лагерь на ночь, когда ветер внезапно задул судорожными порывами

и через несколько секунд перешел в резкий бриз с юго-востока. Мы снова подняли парус и вышли в море, отклоняясь все дальше и дальше от берега, несмотря на все наши усилия держаться прямого курса. К шести часам мы увидели большую группу островов и, приблизившись к ним в поисках подходящего места для ночлега или отдыха, заметили какие-то странные образования, маячившие среди рогозов и саговых пальм, густо росших у самой кромки воды.

— Они похожи на муравейники, — заметил Роджер, когда мы свернули парус и стали грести к берегу.

Здесь мы нашли узкий рукав, полускрытый поникшими пальмовыми листьями, и поплыли по нему. К нашей радости, плот вскоре оказался в небольшой лагуне, шириной примерно в фарлонг и вдвое длиннее. Привязав наше судно к берегу и внимательно оглядев темные заросли, мы отправились на исследование того, что видели с моря.

Не далее чем в пятидесяти шагах от лагуны мы наткнулись на странного вида холмик высохшей грязи, поверхность которого, казалось, была разглажена водой. Осторожно обойдя его, мы заинтересовались еще больше, так как не обнаружили никаких признаков входа. Я уже собирался ударить по стене топором, когда Роджер обратил наше внимание на еще один такой же холмик в дюжине футов от первого, наполовину утонувший в колючей поросли неизвестных сорняков. За пять минут мы обнаружили дюжину других курганов различных размеров — от пяти футов в диаметре до гигантского сооружения, имевшего более двадцати футов в высоту и сорок футов в диаметре. Кладбищенское запустение джунглей усугубляло зловещую странность курганов. Мы не нашли вокруг ни одного живого червяка или улитки, а те немногочисленные следы, что попадались здесь и там, нельзя было назвать свежими.

— Похоже на «Покинутую деревню» Голдсмита*, переписанную Эдгаром Алланом По, — шутливо заметил Роджер.

* Поэма (1770) англо-ирландского прозаика и поэта О. Голдсмита (1728/30-1774) о брошенной обитателями деревне (*Прим. перев.*).

— Мне кажется, это скорее кладбище, — возразила Уилла. — Как вы считаете, что там внутри?

— Думаю, мы легко сможем это выяснить, — сказал я.

Поддавшись соблазну неразгаданной тайны, мы уже не могли сдержать свое любопытство. Что это — муравейники? Гробницы? Выбрав небольшой купол, мы атаковали его с киркой и топором. Твердые и толстые стены словно были выстроены гигантскими осами. Через несколько минут мы добрались до внутренней полости. В ту же секунду наружу вырвался зловонный газ, едва не задушив нас, прежде чем мы успели отступить.

— Пахнет сероводородом и еще чем-то, — сказал я, оправившись от приступа кашля. — В закрытом помещении этот газ быстро бы нас убил.

Однако на свежем воздухе газ быстро рассеялся, и мы осторожно принялись расширять отверстие в стене. Прodelав дыру размером с треть площади купола, мы обнаружили, что насыпь служила всего лишь крышей большой ямы, наполовину заполненной морской водой. Я посветил туда фонарем и увидел низкий и частично затопленный туннель, который вел в сторону лагуны.

Опустив в яму свой альпеншток, я сумел коснуться дна и, поводя рукояткой из стороны в сторону, наткнулся на какое-то препятствие. Надеясь разгадать тайну курганов и убедившись, что газ уже выветрился и не мог представлять серьезной опасности, я спустился на выступ из глины и камней, устроенный прямо над водой. Через несколько минут, пошарив в воде, я вытащил череп амфибии. Я бросил находку Роджеру и Уилле, попросив их осмотреть череп. Вскоре выяснилось, что на дне ямы лежали и остальные кости скелета. Затем я прощупал рукояткой альпенштока боковой туннель и нашел второй скелет, лежащий головой к яме.

— Может быть, это кладбище амфибий? — спросила Уилла, когда я выбрался из ямы.

— Может быть, — ответил я. — Но если это так, то они, похоже, не очень тщательно клали тела в могилы. И зачем столько места для одного или двух тел? Да еще глинобитная полка вдоль стен... Мне кажется, это что-то вроде кро-

вати. Я нашел остатки сгнивших листьев и морских водорослей, которые могли служить подстилкой или пищей.

— Вот что я вам скажу, — вмешался Роджер. — Эти курганы когда-то были жилищами амфибий.

— Когда-то? — возразила Уилла. — Но они вряд ли оставляли мертвых в своих домах.

— Конечно, нет, — поспешил ответить Роджер. — По какой-то причине они бросили свои жилища — например, из-за этого газа. Многие из них могли погибнуть, прежде чем они поняли, в чем дело. Спасшиеся больше не возвращались в этот город и были вынуждены бросить своих мертвецов. А скелет в туннеле может быть останками того, кто пытался добраться до тел после катастрофы.

Объяснение Роджера было не хуже любого другого. После того, как мы вскрыли другой купол и нашли еще три скелета — они лежали вместе в воде, как будто умерли обнявшись, — мы пришли к заключению, что смертоносные газы, образовавшиеся в тесных камерах и проходах, либо полностью уничтожили обитателей города, либо навсегда изгнали из него тех немногих, кто остался жив.

Можно было с достаточной уверенностью сказать, что полки вдоль стен служили ложами, на которых амфибии ночевали рядом со своей драгоценной морской водой, не страшась чудовищ неба, земли и моря. Похожие на ульи насыпи, похоже, служили для защиты от птеродактилей или же от сильных ветров и бурь, возможных в такой обширной полости, где возникали разнонаправленные воздушные потоки. По подводным туннелям или коридорам существа могли добраться до лагуны, не подвергая себя опасности, в то время как ни одно морское чудовище, достаточно крупное, чтобы на них охотиться, не смогло бы пробраться в их дома.

Мы решили, что меньшие курганы были частными жилищами, а большое центральное строение — чем-то напоподобие зала собраний, где жители города могли совещаться в полной безопасности. Продолжая исследования, мы наткнулись на круглую площадь, которая была вымощена плотно утрамбованной глиной и только начинала зарастать сорняками. Вспомнив странный танец одного из людей-лягу-

шек, мы догадались, что площадь служила своего рода театром под открытым небом или церемониальной ареной. Глина еще до высыхания была расчерчена глубокими кругами, и почва внутри нескольких таких площадок была истерта, как нам показалось, бесчисленными ногами, ступавшими по ней в течение длительного периода времени.

Зачарованные тайной покинутого города, мы уже направились к плоту, когда Уилла отстала, чтобы поправить ремень рюкзака. Ее пронзительный крик заставил нас резко обернуться. Она смотрела направо, в джунгли, с таким видом, словно узрела привидение. Мы с Роджером подбежали к ней, и гогочущий смех амфибий, пробирающихся сквозь кусты, заставил нас похолодеть от ужаса. Мы замерли, прислушиваясь. Несколько тел с шумом бросились в воду на западной стороне острова. Пока мы были поглощены исследованием курганов, существа, должно быть, вылезли из моря, откуда они следили за каждым нашим движением.

— Двое из них были так близко, будто собирались прикоснуться ко мне, — рассмеялась Уилла, отгоняя страх. — И их большие рты, казалось, ухмылялись, как будто они знали, как я испугаюсь, когда увижу их.

Хотя я ни с кем не поделился своими мыслями, у меня вдруг зародилось страшное подозрение. Неужели амфибии больше интересовались Уиллой, чем мной и Роджером? Пока мы гребли из лагуны в море в поисках менее опасного места для ночлега, я все еще вызывал в воображении ужасные и, как я надеялся, беспочвенные видения будущего.

ГЛАВА XII

Ночь мы провели на крошечном островке более чем в миле от пустынного города амфибий. Нам противостояли разумные существа, и мы могли с уверенностью ожидать, что они попытаются отомстить нам за динамитный взрыв на берегу, если не за случайный и смертоносный выстрел из винтовки. Мы вытащили плот на каменистую отмель и всю ночь по очереди, как обычно, стояли на часах. Амфибии ничего не предпринимали и лишь наблюдали за нами издалека, оставаясь в море. Думаю, все мы предпочли бы открытую атаку, пусть и кровавую, этому напряженному ожиданию, которое только усиливало наши подозрения относительно коварства людей-рептилий.

Ближе к утру, во второй половине моей вахты, воздушные потоки пещерного мира внезапно пришли в бешеное движение от резкого перепада температур в верхних воздушных слоях; причину его я не мог объяснить. Неслыханная буря ревела и бушевала над нашим лагерем на острове, словно сам разъяренный Посейдон пытался втоптать нас в землю. Громадные, как горы, волны грохотали со всех сторон, порой застывая почти вертикально в мгновенном затишье лишь для того, чтобы в следующую минуту обрушиться и разлететься каскадами брызг в новом циклопическом ударе короля бурь. К счастью, я крепко принайтовил наш драгоценный парус к гику, иначе он был бы разорван в клочья в первые же мгновения подземной бури.

Невероятный шторм длился почти час. Роджер и Уилла, разбуженные первыми порывами урагана, присоединились ко мне на берегу островка, и мы вместе глядели на буйство пучины, единодушно благодаря нашу счастливую звезду за то, что шторм не застиг нас в море. Затем ветер внезапно стих и на море воцарилось глубокое, гнетущее спокойствие.

После страшной бури никто больше не мог уснуть. Мы рано позавтракали и, дожидаясь, пока волны окончательно улягутся, занялись усовершенствованием «Бродяги». Мы

построили вокруг палубы планшир и придумали достаточно крепкий и действенный руль, а также снабдили судно широкими выносными планками для увеличения устойчивости. Свой корабль мы называли теперь «джонкой» из-за сходства с китайским судном под таким же названием; кроме того, он напоминал творение мальчишек, имеющих доступ к городской свалке*.

Шторм имел и более серьезные последствия, чем прерванный сон. Еще не успокоившиеся волны выбросили на остров гигантское морское чудовище, похожее на ламантина. Израненное, оно все еще представляло опасность и могло разнести в щепы наш плот в своей циклопической агонии; поэтому я бросил динамитную бомбу в его разинутую и напоминавшую пещеру пасть. Не успели мы оправиться от ужасного происшествия с морским чудовищем, как на берег вынесло трех мертвых амфибий — печальное свидетельство того, что произошло с группой шпионов, застигнутых ночным ураганом во время наблюдения за нашим лагерем.

Вскоре после полудня море настолько успокоилось, что мы рискнули спустить плот на воду. Поднявшийся ветер дул не в самом благоприятном направлении, но мы все же двинулись вперед, лавируя, как могли, с помощью весел и медленно продвигаясь на север вдоль восточного берега.

Глядя в бинокль, Уилла доложила, что несколько амфибий плывут за нами, оставаясь, как обычно, вне пределов досягаемости винтовок. Позже двое людей-рептилий набрались смелости и заплыли под плот. В последний момент мы поняли, что что-то не так. Сделав несколько пистолетных выстрелов в щели между бревнами палубы, мы убили одного и отпугнули другого. Сказать, что мы достигли этого благодаря нашему спокойствию или смелой тактике значило бы приписать нам больше мужества и стойкости, чем было у нас на самом деле. После этой стрельбы снова начался оживленный спор о том, стоит ли продолжать плавание. И вновь все мои осторожные доводы были опрокину-

* Игра слов: англ. «junk» — и «джонка», и «мусор» (*Прим. перев.*).

ты упрямой решимостью Роджера и Уиллы. В обычное время случилось бы противоположное, но в глубине души я не был искателем приключений — вот почему я корпел над книгами и увеличительными стеклами, в то время как Роджер Энсон и его дочь охотились на крупную дичь в Африке.

Ближе к вечеру капризный ветер снова сделался попутным; мы плыли по неестественно спокойному морю мимо бесконечных первобытных лесов, высившихся между водой и утесами, и нигде не находили проходов, достойных осмотра. Однако мы увидели множество динозавров различных видов, а также большого угря или морского змея, который извивался в опасной близости от плота, но погрузился в глубину, как только динамитная шашка взорвалась возле его головы.

К пяти часам стало заметно теплее. Душная, угнетающая жара сопровождалась необычайно высокой влажностью. Мы пересекали многочисленные пояса тепловатой воды, похожие на миниатюрные Гольфстримы. Странные струйки пара поднимались в воздух перед нами, исчезая по мере приближения, как фантастические миражи. Купол пещерного мира постепенно опускался, и мы уже могли различить пульсацию светящихся масс, которые отбрасывали свое жуткое сияние на затерянное море. Ветер оставался попутным, но стало невыносимо жарко, облака совершенно исчезли и воздух наполнился испаряющейся влагой. Морось поднималась в верхние слои и на глазах превращалась в пар.

Наконец наше внимание привлекло отдаленное шипение, которое мы не смогли ни объяснить, ни определить. Роджер утверждал, что это гейзер, и за неимением лучшей теории мы с Уиллой согласились с ним.

Осознание того, что мы приближались к северной оконечности подземного моря, вытеснило все мысли об отдыхе и еде. В шесть часов мы все еще плыли на север; мы заметили время лишь потому, что вычисляли пройденное расстояние, умножая скорость плота на время пути — метод, конечно, крайне неточный. Но это было лучше, чем ничего, так как давало нам ощущение господства над нашим

странным кораблем и еще более странными водами, по которым мы плыли.

Мы все чаще пересекали горячие подводные течения и заключили, что впереди находится некая раскаленная субстанция. Холодные водные пояса стали такой же редкостью, как и теплые, и во многих местах невозможно было, не обжегшись, долго держать руку под водой. Давешнее слабое шипение переросло в низкий рев, перемежавшийся с чудовищным бульканьем, как если бы откуда-то вырывался под большим давлением пар. Время от времени из глубин поднимались массы воздушных пузырей и лопались на поверхности, обдавая лицо и руки жгучими горячими каплями. Где-то внизу, как мы догадались, морское дно кипело, и мы быстро приближались к источнику ужасного жара.

Расстояние между восточной и западной стенами заметно сокращалось, пока оба берега не стали отчетливо видны. Далеко впереди сквозь сумеречное сияние пробивался красноватый отблеск, разливавшийся по всему горизонту на северо-западе. Гигантские белые формы, очерченные багрянцем, возникали и исчезали на красноватом фоне, постоянно меняясь и отбрасывая чудовищные тени на море и окружающие стены. Они появлялись в сопровождении рева, и мы вскоре поняли, что это были столбы пара, поднимающиеся из моря.

Вся растительность к этому времени исчезла с берегов, остались только голые скалы и выброшенные морем водоросли, сползавшие вниз с нависающих над водой гранитных валов. Излишне говорить, что мы уже давно миновали зону обитания живых существ; никакая водная жизнь не могла бы существовать в дымящихся глубинах, никакие животные не нашли бы пропитания на пустынных, раскаленных берегах. Мы хорошо сознавали, какая опасность ждет нас впереди, но были так зачарованы ужасной бездной, что не могли повернуть назад. Перед нами, как воплощенная фантазия Данте, вставали над кипящим морем великие и ужасные чудеса земного ядра. Наша жизнь, да и вся жизнь в целом — все казалось ничтожным в сравнении с этим видением того, что спало в глубинах многие тысячелетия.

— Вулкан! — крикнула Уилла со своего поста у мачты, глядя в бинокль.

— Может, вернемся? — спросил я с носа, безуспешно отирая залитое потом лицо.

— Нет, поплывем дальше, — настаивала она. — Кажется, я вижу северный край моря или узкий пролив. Чуть выше уровня воды есть пещеры — их десятки. Должно быть, это старые лавовые жерла.

Игра паровых фонтанов на северо-западе видна была теперь более отчетливо, а взрывные звуки кипящей воды заставляли нас кричать, когда мы обменивались редкими замечаниями. Судя по всему, непосредственно за краем моря на северо-западе находилось огромное озеро или кратер с расплавленной лавой. Ручейки пламенеющей лавы переливались через край или вырывались наружу в легких конвульсиях, вызывая извержения пара, в то время как глубинные эманации тепла порождали воздушные пузыри, которые поднимались и лопались вокруг нас. По пути мы внимательно осматривали восточные стены, обнаруживавшие теперь безошибочные признаки вулканических воздействий. Мы миновали несколько небольших кратеров, по-видимому, погасших, чьи края спускались к самой кромке воды.

Ветер, перешедший в шквальные порывы, и бурлящие потоки кипящей воды делали дальнейшее продвижение невозможным. Мы посадили плот на мель на склоне небольшого кратера и, пришвартовав судно к валуну, двинулись пешком мимо кратеров на восточном берегу.

Мы не могли оценить глубину этих пропастей, и я даже не останавливался, чтобы воспользоваться отвесом, так как догадывался, что моя леска не достигнет дна и самой маленькой из них.

Обогнув лабиринт фумарол, уходивших в море слева, мы наконец подошли к огромному кратеру, жерло которого при значительном разрушении кромки могло бы поглощать все подземное море. Стоя на краю этой мрачной ямы, мы зачарованно вглядывались в темноту. Я почувствовал паническое желание броситься головой вниз в глубину, и мой болезненный порыв, должно быть, разделили Роджер

и Уилла, потому что мы все молча и поспешно двинулись дальше.

Пробираясь мимо спекшихся склонов малых кратеров, мы раздумывали о возможности подземного толчка, который прорвет естественные дамбы и погонит морские воды в пасть кратера. Сама мысль о таком катаклизме была ужасна. Затем, обогнув утес, мы увидели северные стены моря и остановились в немом изумлении перед этой удивительно красивой сценой. Далеко слева мы видели многоцветный изгиб утесов, что склонялись, как пизанские башни, к куполу пещерного зала; их массивные гордые склоны зловеще мерцали в газовом сиянии вулкана. Раскачиваясь взад и вперед, падая, кружась, распыляясь, огромные тени извержений гейзеров плясали на воде и стенах демонической пантомимой под громогласную симфонию вздымающегося пара и кипящей воды.

— Преддверие Аида, — хрипло пробормотал Роджер, оглядываясь на пропасть, которую мы только что миновали. — Я бы не удивился, увидев здесь Харона с его ладьей, готового отвезти нас прямо к дьяволу.

Но пещеры или лавовые жерла, пронизывающие утесы прямо перед нами, вскоре увлекли нас дальше. Наконец мы почувствовали, что находимся на пути к проходу, ведущему к какой-то горной расщелине или малозаметной полости. Мы даже с надеждой ожидали увидеть подземный поток, который по какой-то удивительной случайности мог выходить на поверхность в глубоком каньоне одного из притоков реки Колорадо.

Войдя в одну из самых больших пещер, мы вскоре оставили позади тусклый свет пещерного мира, неуклонно спускаясь вниз, пока наши фонари внезапно не осветили глубокую пропасть. О прыжке через такой широкий провал нечего было и думать, а обойти его оказалось невозможно. Мы были вынуждены повернуть назад и выбрать другой коридор, но, пройдя небольшое расстояние и все время спускаясь, вновь оказались на краю пропасти — похоже, той самой, что остановила нас в первый раз. Однако, третий проход, находившийся в отдалении от этих тупиковых ходов,

повел нас вверх; пройдя несколько сотен ярдов и перебравшись через множество крошечных ручьев, то теплых, то ледяных, мы вышли к медленно текущей и вполне судходной подземной реке — будь мы на плоту, мы могли бы поплыть по ней. Но мы не собирались рисковать и плыть сложив голову в черноту неведомого русла; сперва следовало проверить, не выведет ли нас на поверхность один из коридоров.

Уступив в конце концов усталости и голоду, мы вернулись на плот, решив на следующий день продолжить осмотр фумарол. Мы так страдали от жары и изнеможения, что даже не стали выбираться из области горячих течений, а наугад пришвартовались и дошли пешком до места, куда донес прохладный свежий бриз с далеких вод на юге. Хотя мы оставили корабль в получасе ходьбы, нападения амфибий мы могли не опасаться: горячая вода помешала бы им приблизиться к плоту по морю, а на узкой береговой полосе под утесами мы бы их сразу заметили.

В течение двух дней мы безуспешно осматривали вулканические проходы в поисках выхода из пещеры. Мы не были обескуражены: предстояло исследовать еще немало коридоров, а продержаться в пещере мы могли неопределенно долгое время, питаясь мясом карликовых динозавров и довольно вкусными корнями, найденными в джунглях.

На седьмой день после того, как мы вошли в пещерный мир, мы решили вернуться к оползню под Гамлет-холлом и выяснить, предпринимаются ли какие-либо усилия для нашего спасения, что мы надеялись выяснить по звукам взрывов или бурения. Мы возвратились к южным утесам без всяких приключений. Под плато, где мы подстрелили первого птеродактиля, мы высадились на берег и вытащили на сушу нос нашего корабля. Это было все, чем мы могли защитить плот от амфибий, поскольку вполне можно было ожидать, что до нашего возвращения они попытаются повредить судно — если мы вообще когда-либо вернемся. Мы, однако, спустили парус и вновь превратили его составляющие в куртки и рюкзаки.

В приподнятом настроении мы двинулись вверх по ущелью и через несколько часов дошли до выхода из узкого колодца, откуда мы впервые спустились в ущелье. К своему ужасу, мы обнаружили, что произошел новый обвал и колодец был полностью засыпан. В отчаянии мы потратили три динамитные пашки из нашего скудеющего запаса — и только лишний раз убедились в том, что никогда не сможем выбраться из ущелья.

И только когда последний взрыв разбросал камни над раздавленным телом амфибии, мы заподозрили, что дело неладно. Без сомнения, люди-рептилии были причастны к нашему последнему и величайшему несчастью.

ГЛАВА XIII

Рано утром, на следующий день после обнаружения заваленного колодца, мы вернулись по подземному ущелью в бездну забытых веков, решив либо найти путь на поверхность через пещеры на северной оконечности моря, либо погибнуть в попытках спастись. Как мы и предполагали, «Бродяги» на месте не оказалось. Не приходилось также сомневаться, кто был повинен в этом злодеянии. Повсюду на песке были видны следы наших врагов и глубокие продольные полосы там, где они столкнули судно в воду.

Пропавший плот, правда, мы нашли достаточно быстро. Двигаясь на север вдоль берега, мы увидели его на мели близ пляжа, где впервые столкнулись с амфибиями. Мы с Уиллой держались в воде лучше Роджера и вызвались снять плот с камней. После опасного получаса борьбы с прибоем «Бродяга» был освобожден; подведя его к берегу, мы обнаружили, что судно почти не пострадало от нападения и вскоре завершили необходимые ремонтные работы.

И снова мы вышли в море в сумеречном тумане подземной бездны. Мы поздравляли себя с тем, что вновь сумели перехитрить наших ловких врагов и спасли плот, который, как мы полагали, они спустили на воду, чтобы лишить нас возможности передвигаться по морю. Но когда дюжина из них выскочила из волн, как обычно, вне пределов досягаемости пуль, мы уже не испытывали такого ликования, ибо было что-то безусловно злое в их неусыпной бдительности и неоднократных попытках сорвать наши планы. Ветер был неблагоприятным, и мы много часов ползли в крутом бейдевинде, если можно так выразиться; в результате мы почти не продвинулись на север и, направившись наконец в поисках ночлега к группе островов, представляли собой самую несчастную тройцу мореплавателей.

Именно во время этих поисков подходящего для высадки берега мы совершили неожиданное открытие. На одном из самых больших островов, как оказалось, находилась джунгли амфибий. Сквозь гигантские пальмы и папоротники

мы разглядели несколько невысоких серых куполов, похожих на те, что были в покинутом городе, исследованном нами несколько дней назад. Но на этот раз мы были уверены, что курганы окажутся обитаемыми, вздумай мы их осмотреть; разумеется, мы этого не сделали и даже прошли мимо нескольких удобных пляжей поблизости от островной деревни, прежде чем подвели «Бродягу» к берегу.

За ужином мы только и говорили о пещерах на севере и надеждах найти в одной из них выход на поверхность. Близость деревни не возбуждала в нас особого страха перед ее жителями: мы были убеждены, что их враждебные действия ограничатся мелким воровством и трусливым подсматриванием издалека.

Я так устал, что рухнул на свою песчаную постель и отказался встать, когда Роджер крикнул, что с моря за нами наблюдают десятка два амфибий. Последним, что я запомнил, было завораживающее видение Уиллы Энсон, готовящейся отойти ко сну, как какой-нибудь первобытный кочевник на рассвете человеческой эволюции.

Не знаю, что именно разбудило меня через несколько часов. Я проснулся и сел, дрожа от ужаса. Я был уверен, что сквозь пелену сна слышал какой-то странный звук. Тревожно оглядевшись, я увидел рядом спящего Роджера и наполовину вытащенного из воды «Бродягу». Уиллы, однако, нигде не было видно.

Посмотрев на часы, я увидел, что до конца ее вахты оставался еще час. Согласно нашим правилам, она должна была оставаться поблизости от лагеря и непременно на виду. Все еще вздрагивая от внезапного пробуждения, я встал и принялся искать Уиллу.

Ветер стих, и вокруг острова лениво, словно залитые маслом, качались неторопливые волны. Никогда прежде groboвая тишина пещерного мира так не угнетала меня. Сырой воздух словно вибрировал от ужасного чувства обреченности.

Когда я осматривал внутреннюю часть острова, легкий всплеск позади заставил меня резко обернуться. Не далее чем в пятидесяти ярдах от берега по воде расходились кру-

ги от быстро нырнувшего тела. Я не сомневался, что это был один из дикарей-амфибий, осмелевший благодаря отсутствию нашего часового. Еще дальше в море я разглядел три плавающие точки, отчего у меня возникло неприятное ощущение, что за каждым моим движением следят.

Я снова повернулся к джунглям, приблизился к густым зарослям и тихо, чтобы не разбудить Роджера, позвал Уиллу. Я тщетно пытался убедить себя, что с ней ничего не случилось, что она скоро выйдет из джунглей и поднимет на смех мои дурные предчувствия.

Я снова позвал ее, на сей раз громче. И снова никакого ответа, кроме шипящего плеска волн о берег.

Пробравшись немного дальше в подлесок, я закричал во весь голос, и мое сердце заледенело, когда мне ответила только жуткая тишина пещерного мира.

Я разразился дикими воплями, которые разбудили бы и мертвого. Когда я на миг перестал кричать и прислушался, я различил позади тяжелое дыхание Роджера.

— Она исчезла! — выдохнул я, прежде чем он успел заговорить. В немой агонии мы усталились на ядовитые заросли, покрывавшие внутреннюю часть острова.

Мой взгляд поймал в этих зарослях тусклый блеск металла, рассеявший завесу ужаса. Мы с Роджером бросились в чащу, и я споткнулся о винтовку Уиллы. Приклад и магазин были покрыты грязью и раздавленными листьями, как будто оружие с силой отбросила в сторону чья-то могучая рука.

Не более чем в дюжине шагов от первой жуткой улики мы нашли шляпу Уиллы, вдавленную в илистую почву грузной ногой. Мы опустились на четвереньки, и наши подозрения вскоре подтвердились: рядом мы нашли несколько перепончатых следов. По-видимому, произошла короткая борьба — глубокие следы ботинок уходили в заросли и на этом отрезке беспорядочно смешивались с отпечатками ног амфибий. Далее в джунглях видны были только следы рептилий, и мы не могли не заключить, что они унесли Уиллу.

Идя по ясно видимым следам через густые заросли, мы быстро достигли противоположного берега острова, чья пло-

щадь составляла не больше акра. На краю берега выяснилось самое худшее — следы уходили прямо в воду. Ужасный вывод напрашивался сам собой: люди-рептилии утащили свою пленницу в море.

С мгновение Роджер смотрел на зеленоватые волны подземного моря и затем опустился на песок, закрыв лицо руками. Но я не был готов принять очевидное.

— Еще не все потеряно, — в отчаянии настаивал я. — Они очень хорошо плавают. Они могли бесконечно долго удерживать ее голову над водой. Помните ту колонию, что мы видели прошлым вечером по пути сюда? Если они забрали ее с острова, мы найдем ее там — живую или мертвую. И она обязана быть живой. Ну же!

Взяв себя в руки, Роджер помог мне тщательно обыскать остров, однако никаких новых свидетельств похищения Уиллы мы не нашли. Истина все более ярко запечатлевалась в нашем измученном сознании, и я думаю, что мы предпочли бы найти мертвое тело Уиллы, чем теряться в жутких догадках относительно ее судьбы.

Тяжело дыша, спотыкаясь в отчаянной тревоге, мы бросили бесплодные поиски в джунглях. Выбежав на берег, мы погрузили снаряжение на борт «Бродяги» и отчалили. На воде к югу от острова мы заметили более двух десятков амфибий — еще одно доказательство того, что о случившемся с Уиллой они знали гораздо больше нас.

Точно не помню, как мы добрались до острова, где видели серые купола колонии. И все же я вполне владел собой и оставался хладнокровен, пока мы искали вход в лагуну; затем мы провели плот сквозь нависающие листья в крошечный залив, почти полностью окруженный сушей.

С моря мы успели разглядеть несколько курганов. Между этой колонией и покинутой деревней, которую мы видели ранее, существовало лишь одно заметное различие: по берегам лагуны были отчетливо видны наполовину затопленные водой выходы из туннелей, ведущих к ямам. У некоторых темных отверстий вода шла рябью — там наверняка стояли на страже часовые.

— Если Уилла жива, то они держат ее в одном из этих гнезд, — крикнул я Роджеру, когда мы уперлись шестью в дно и остановили «Бродягу».

— Там нам ждет верная смерть, — простонал он. — Под водой они легко с нами расправятся.

Затем он мрачно пробормотал:

— А впрочем, какая разница, умереть сейчас или позже. Если мы не найдем Уиллу, мне все равно.

— И мне тоже, — от всего сердца заверил его я. — Но я пойду один. Вы должны присматривать за выходами и следить, чтобы амфибии не скрылись с Уиллой, пока я буду находиться под землей. Если я потерплю неудачу, придется попробовать вам.

Роджер вздрогнул, когда я начал подталкивать плот к одному из темных туннелей с глинобитными стенами. Я знал, что он рисует в воображении ужасные картины, но не оставил ему времени для лишних размышлений и стал готовиться к походу в катакомбы колонии.

Моя единственная реальная надежда на успех заключалась в том, что враг боялся нашей взрывчатки. В такой тесноте я не осмелился бы воспользоваться динамитом, но амфибии этого не знали. Кроме того, с пистолетом Роджера и моим собственным я был не так уж беспомощен — и, наконец, свет фонаря должен был ослепить рептилий.

Когда я сошел с плота у входа в сводчатый туннель, Роджер схватил мою руку в свои и, запинаясь, произнес несколько ободряющих слов. Это могли быть последние человеческие слова, что я слышал в своей жизни, но с мужеством, граничившим с безумием — мужеством потерявшего возлюбленную человека — я нырнул в сумрак и двинулся вперед, по пояс в темной неподвижной воде, напомнившей мне стоячую воду в корабельном трюме.

ГЛАВА XIV

Луч фонаря зловеще поблескивал на влажных стенах похожего на тюремное подземелье туннеля, пока я брел в этой стигийской тьме. Дышалось с трудом — сырой воздух был насыщен запахом газа, словно вытекавшего из прохудившейся трубы. Идти приходилось буквально на ощупь, следя за любым повышением уровня воды; пистолеты я держал наготове на случай внезапного нападения амфибий. По крайней мере, я мог быть уверен, что на меня не нападут сзади, так как Роджер не позволит существам последовать за мной в туннель. Пробираясь по туннелю, я мог думать только об одном — где-то там, в грязных гнездах амфибий, томится Уилла Энсон, беспомощная пленница людей-зверей, чью истинную природу мы не ведали.

Я прошел около пятидесяти ярдов по почти прямому каналу в такой глубокой тишине, что слышал стук собственного сердца. Я уже начал опасаться, что вся колония сбежала, унося с собой Уиллу, когда негромкий всплеск в темноте далеко впереди дал мне понять, что враг приближается. Едва я остановился, приготовившись к схватке, как на маслянистой поверхности воды появилась движущаяся полоса пузырьков и устремилась прямо на меня. Существо собиралось напасть из-под воды!

Я дважды выстрелил в изогнутую линию ряби — как раз перед тем, как она достигла меня. Холодные, сильные руки вцепились мне в ноги, когда я попытался отпрыгнуть в сторону. Но пистолетные выстрелы достигли цели. Едва пальцы существа сомкнулись на моей ноге, как руки расслабились, и огромный серый живот мертвой амфибии всплыл на поверхность рядом со мной.

И снова из темноты впереди вырвалась полоска ряби, и я вновь выстрелил в голову этой водяной змеи. По всему лабиринту подземных ходов разнесся заунывный вой, и на поверхность вынырнуло второе существо, чье изрешеченное пулями тело окрашивало воду темной кровью.

Прижавшись к скользкой стене, я ждал новой атаки, но

ее не последовало. Врага ужаснул таинственный грохот пистолетов; выстрелы, должно быть, гремели подобно взрывам динамита в узких, усиливающих каждый звук туннелях катакомб.

Когда я снова двинулся вперед сквозь окровавленную воду, мне показалось, что где-то далеко позади раздался слабый крик Роджера.

Больше я не встретил никакого сопротивления и благополучно добрался до первой из крытых глиняными крышами нор. Страшный визг и вой перепуганных обитателей становились все слабее и слабее по мере того, как они углублялись, отступая, в сеть водных путей, соединявших норы.

Направляя лучи лампы на стены похожего на колодец углубления, в котором я очутился, я увидел множество признаков недавнего пребывания существ. Трое забытых младенцев, похожих на чудовищных угрей с рудиментарными ногами, лежали в массе морских водорослей на глинобитной полке или кровати, нависшей над водой. Я уже готов был отказаться от поисков следов Уиллы, когда наткнулся на отпечаток маленького ботинка в сырой грязи. Я был на правильном пути. Ее провели через этот туннель!

При виде этого благоприятного знака я с ликованием сложил ладони рупором и изо всех сил закричал в уходивший вправо туннель:

— Уилла! Уилла!

Я ждал ответа, затаив дыхание. Замерло гулкое эхо моих криков, и воцарилась зловещая тишина. Мое сердце упало. Я в отчаянии бросился в сводчатый проход, который вел вглубь острова, напоминавшего своими туннелями и норами пчелиные соты. Возможность заблудиться меня не тревожила, поскольку я знал, что смогу пробиться на поверхность через крышу любого из гнезд.

Часто останавливаясь и зовя Уиллу, я пробрался в зловонный коридор. Выключив фонарь, я по слабому фосфоресцирующему свету понял, что приближаюсь к еще одному гнезду. Амфибии, похоже, использовали светящуюся субстанцию пещерного мира для освещения своих мрачных логовищ. Где-то поблизости громко закричали амфибии, и

я услышал громкие всплески, когда они нырнули в воду.

Затем, в ответ на мой зов, до меня донесся звук, от которого волосы встали дыбом. Это был пронзительный крик — женский крик, внезапно оборвавшийся, словно придушенный. Уилла ответила. Она была жива!

Я заторопился, оскальзываясь и взбаламучивая ногами доходящую до пояса илистую воду. Снова и снова я подбадривал Уиллу, стреляя из пистолета, чтобы запугать охранявших ее амфибий.

Крики и пистолетные выстрелы действовали даже лучше, чем ожидалось. Ворвавшись наконец в гнездо, я увидел лишь двух амфибий. В руках у них билась Уилла Энсон, которую рептилии пытались затащить в один из туннелей.

Я не решился выстрелить, боясь попасть в Уиллу, но прыгнул на существ, держа пистолеты рукоятками вперед, как дубинки. Разинув свои громадные рты и издавая ужасные крики, они отпустили Уиллу и бросились мне навстречу. Это мне и было нужно. Уилла больше не находилась на линии огня, и я выстрелил в упор, чувствуя, как по мне пробегает дрожь чистейшего ужаса. Один из дикарей упал посреди ямы, другой рухнул, когда уже тащил меня под воду.

Ворвавшись из ужасных, скованных смертью рук, я подбежал к Уилле, в изнеможении лежавшей на глинобитной скамье чуть выше уровня воды. К тому моменту, как я приподнял голову Уиллы, прерывистым голосом вознося хвалу небесам за то, что она не пострадала, вой амфибий в более глубоких туннелях сделался вдвое громче.

— Боб! Боб! — простонала она, открыв расширившиеся от ужаса глаза. — Я думала, вы никогда не...

— Мы не можем здесь оставаться! — воскликнул я, сунув ей в руку один из пистолетов, когда она пришла в себя. — Стойте на страже, пока я буду пробиваться через крышу ямы. Они могут наброситься на нас толпой в любую минуту.

Я достал свой походный топор и атаковал крышу. Тем временем отдаленный вой обитателей колонии заметно приблизился. В голосах врагов звучали зловещие нотки, но это был не совсем страх. Их вопли походили на рев обезумев-

шей толпы, которая черпает храбрость в своей численности, собираясь отомстить за какое-то преступление против общества.

— Они идут! — в отчаянии вскричала Уилла. — Скорее, скорее!

Я удвоил удары по глинобитной крыше. Осколки летели вокруг, с плеском падая в мутную воду под полкой, на которой мы стояли. Казалось, невозможно было пробиться сквозь этот толстый глиняный свод, напомнивший мне о жилище бобра. Но в конце концов лезвие топора прошло насквозь, и я начал лихорадочно расширять щель.

Грузные всплески тел амфибий, нырявших в неглубокую воду туннелей и выпрыгивавших назад, уже раскатывались эхом по всей яме. Наконец я проделал достаточно большую дыру, чтобы позволить нам выбраться, в мгновение ока подтолкнул Уиллу вверх и вперед и выполз вслед за ней, с безграничным облегчением вдыхая свежий воздух джунглей.

— В какой стороне плот? — крикнула Уилла, пока мы оглядывались по сторонам в окружении поросли гигантских рогозов и папоротников.

Я так же недоумевал, как она, но это продлилось лишь миг. Слева раздался гулкий взрыв — Роджер Энсон бросил динамитную бомбу, — и мы побежали на этот звук, продираясь сквозь густые заросли и огибая серые купола гнезд. Позади, подгоняя нас, зазвучал яростный визг амфибий, пытавшихся выбраться из норы, откуда мы бежали.

Выбежав из джунглей на краю лагуны, мы увидели Роджера. Он стоял на корме «Бродяги» с динамитом и зажигалкой в руках, готовый к смертоносному броску. Повсюду вокруг плота плавали мертвые тела врагов. Они, очевидно, набросились на Роджера, когда высыпали после моего вторжения из катакомб на пути к морю.

Радостный крик Роджера при виде нас с Уиллой навсегда запечатлелся в моей памяти как кульминация самых страшных событий. Но поздравлять себя было некогда. Джунгли кишели разъяренными существами, которые в любой миг, охваченные общим безумием, могли утратить страх перед

нашей взрывчаткой и сокрушить нас числом.

Когда мы с Уиллой, разбрызгивая воду, подбежали к плоту, Роджер уже налегал на шест. Мы поспешили на помощь — и прежде, чем первые амфибии появились на берегу, наш корабль достиг выхода из лагуны. Но мы забыли, что земноводные существа обладали в воде неоспоримым военным преимуществом. Невидимые для нас, десятки амфибий выплывали из туннелей в лагуну. Пока мы торопились поднимали парус, «Бродяга» вдруг сильно накренился и остановился как вкопанный — люди-рептилии ухватились за днище плота.

— Ложись! — крикнул Роджер, все еще державший в руке динамитную пашку.

Мы с Уиллой упали ничком на палубу, а Роджер опустил-ся на колени и зажег короткий фитиль. Бомба упала рядом с планширом, взорвалась близко к поверхности и окатила нас морской водой. Оглушенные, мы с трудом поднялись на ноги. Вокруг плавали мертвые тела нескольких врагов, а плот свободно покачивался на воде.

К счастью для нас, во время нападения на колонию с юга задул сильный бриз. Парус раздулся, и плот, подгоняемый ветром и нашими шестами и веслами, быстро оставил остров позади, направляясь к вулкану на севере и горячим поясам воды, куда амфибии не могли за нами последовать.

Мы уже были почти в полумиле от внешней границы группы островов, когда вновь увидели врага. Море позади нас внезапно покрылось пятнами качающихся голов: амфибии всплыли из глубины.

— Они пытаются нас окружить! — воскликнул Роджер мгновение спустя, когда правое и левое крылья морской орды начали охватывать нас с двух сторон, образуя расширяющийся полумесяц. — Если мы хотим добраться до вулкана прежде, чем они нас схватят, нам нужно плыть быстрее.

— Но мы можем отбиваться от них до скончания века с помощью динамита, — крикнул я.

— Нет, не можем, — послышался обескураживающий ответ. — Я использовал последнюю пашку там, в устье лагуны!

ГЛАВА XV

Через полчаса после нашего бегства из островной колонии сумеречное море пещерного мира кишело странными округлыми головами бесчисленных амфибий. Они разворачивались быстро, с почти военной точностью, смыкая огромный круг; правый и левый фланги быстро сближались впереди, оставляя за собой вереницу воинов. Казалось, все рептилии подземного моря горели желанием отомстить нам за вторжение в их колонию и освобождение Уиллы Энсон.

Мы никогда раньше не видели такое количество этих существ, да еще настроенных так решительно и враждебно. Без динамита мы едва ли сумели бы отразить атаку, стоило им только преодолеть свой страх перед винтовками и пистолетами и броситься на нас всей массой. Однако амфибии не могли знать, что у нас кончился динамит, и это давало нам надежду благополучно добраться до разогретых вод близ вулкана, где врагам придется либо повернуть назад, либо последовать за нами по суше, испытывая на себе весь жар пылающего кратера.

Перезарядив ружья и пистолеты и обросопив парус — нам так необходимо было сейчас каждое дуновение драгоценного бриза! — мы уселись на палубе в мрачном бдении. В любую минуту отряд амфибий мог поднырнуть под плот и опрокинуть нас или задержать судно, позволяя другим запрыгнуть на борт и стащить нас в море.

Пока мы оглядывались по сторонам, молясь, чтобы ветер усилился, Уилла тихим, напряженным голосом рассказывала, как рано утром углубилась в джунгли, услышав какие-то странные звуки. Прятавшиеся в зарослях существа схватили ее, прежде чем она успела поднять тревогу. Зажимая Уилле рот, существа понесли ее к морю, а затем сильные пловцы переправили ее в островную колонию. Только собственное умение хорошо держаться на воде позволило ей пережить это дикое плавание на плечах амфибий.

— Не знаю, что было бы, не приди вы за мной вовремя, — дрожа, закончила свой рассказ Уилла. — Эти люди-зве-

ри способны на все.

Я ободряюще сжал ее руку и почувствовал быстрое ответное пожатие. Даже гордая и независимая натура Уиллы была потрясена ужасными переживаниями, и в любой другой ситуации я бесспорно тут же признался бы ей в любви.

Но у нас не было времени на сентиментальные излияния, не могли мы и радоваться удачному бегству из колонии, когда орды врагов были так близко. Завороженные страшным зрелищем кольца смерти, смыкавшегося вокруг «Бродяги» вне пределов досягаемости наших пуль, мы притаились за планширом и ждали решающего сражения, которое, казалось, вот-вот должно было начаться.

Острова людей-рептилий медленно исчезали из виду в светящихся, движущихся туманах на юге. Наконец амфибии сомкнули широкий кольцевой строй вокруг плота. Они без особых трудностей держались вровень с нами, не нарушая строй. Единственным объяснением их маневра могла быть близкая атака, но время тянулось, а военные действия все не начинались. Казалось, враги по-прежнему испытывали сильный страх перед динамитом и огнестрельным оружием — и однако, вскоре мы убедились, как сильно в этом отношении ошибались.

Восточный и западный берега уже начали сближаться, указывая на близость узкой бухты в северной оконечности моря, как вдруг качающиеся на воде головы издали громкий крик. Горла их раздувались в этом зловещем лепечущем вопле, и наконец вся армия рептилий разразилась квакающими нотами дикой боевой песни.

— Теперь мы в деле, — хрипло крикнул Роджер с кормы плота, привязывая руль к планширу.

Он сжал винтовку, готовясь к смертельному бою. Мы с Уиллой последовали его примеру, каждую секунду ожидая толчка и рывка подводных рук. Амфибии могли попытаться нас остановить, и тогда пришлось бы стрелять сквозь щели между бревнами, или пойти на абордаж. «Бродяга», однако, безмятежно плыл вперед, и сколько мы ни рассматривали строй врагов невооруженным глазом и в бинокль, мы не замечали уменьшения их численности, что означало бы

приближение подводного отряда.

Возбужденные крики амфибий постепенно затихли. С огромным облегчением мы увидели, что они, оставаясь в отдалении, начали расширять свое кольцо. Обрадованные этим и тщетно гадая, что означали их крики, мы достигли первого пояса горячей воды, увидев далеко впереди, на северной оконечности затерянного моря, красный отблеск озера расплавленной лавы.

По мере того, как температура воды повышалась, ряды врагов расходились перед нами; когда плот оказывался вровень с ними, амфибии поворачивались и плыли к берегу. Затем мы углубились в бутылочное горлышко залива между потухшими кратерами на востоке и действующим вулканом на северо-западе. Тем временем рептилии одна за другой выбирались на берег и бежали по суше, перекрикиваясь и причудливо жестикулируя.

— Теперь вы нас никогда не поймаете! — ликовал Роджер, потрясая кулаком в сторону отвратительных фигур, чьи крики заглушало шипение гейзеров на краю вулкана.

Массивные природные арки и колонны, нависающие над вулканом, вырисовывались все отчетливее. Почти все амфибии выбрались на сушу и лишь немногие оставались в воде позади нас. По какой-то неизвестной нам причине большая часть рептилий собралась на западном берегу, который вел к полуразрушенной стене, сдерживающей кипящую лаву. Мы ожидали, что вражеская орда в любую минуту повернет назад, не дожидаясь встречи с обжигающими волнами жара из жерла кратера, но рептилии решительно бежали вперед, размахивая короткими руками и визжа с такой яростью, что их голоса иногда доносились до нас сквозь рев гейзеров и треск лопающихся водяных пузырей.

Мы приготовили весла; ветер стих из-за сильной жары, и мертвый штиль опустился на дымящееся море. Держась на полпути между берегами и подальше от толп разъяренных врагов, мы упорно гребли, надеясь высадиться у входа в пещеры, которые исследовали два дня назад. Хотя кипящая вода уже начинала бурлить и брызгать на нас горячими каплями, мы предпочли легкие ожоги рукам беснуую-

щихся врагов и продолжали держаться в центре пролива. Мы все еще были уверены, что амфибии вскоре повернут назад, поскольку жара становилась все более невыносимой. В тот момент мы не могли понять, почему люди-рептилии не напали на нас до того, как мы достигли горячих вод: ведь казалось, что они преодолели свой страх перед взрывчаткой. Три выстрела из верной винтовки Роджера и столько же убитых ничуть их не остановили.

Но не мы с Роджером, а Уилла в конце концов заметила, что собирались делать амфибии. Толпы существ на западном берегу начали взбираться по почерневшим от огня утесам пещерного мира, ползя вдоль каждого выступа и трещины к раскаленному добела озеру кратера. Мы не сразу поняли, что именно они задумали и, охваченные невольным ужасом, беспомощно сидели на веслах, наблюдая за карабкающимися по склонам врагами, а плот медленно вращался при каждом всплеске на горячем морском дне.

Все больше и больше существ взбирались на крутые склоны, пока мы дрейфовали в агонии неизвестности. Скалы ожили от извивающихся тел, тускло поблескивающих в мерцающем свете вулкана. Они продвигались по шатким камням и осыпям все ближе и ближе к пылающей горловине кратера. Когда мы наконец осознали, в чем состоял их план, я понял, что именно об этом они вопили там, в более прохладных водах, когда мы были так уверены, что сможем от них спастись.

Затем авангард взбирающейся орды достиг края кратера, преодолевая порывы жара, облака пара, ливни горячей воды и грязи с почти человеческой решимостью отомстить или умереть.

На протяжении веков действие ужасного жара расплывалось и постепенно разрушало огромные участки купола и стен вокруг кратера. На этих крошащихся массах и сосредоточили свои усилия амфибии. Они втискивались в каждую щель, залезали друг на друга, а их серые животы смыкались, как переполненные гнезда червей. Все новые рептилии карабкались по склонам, пока скалы не захлестнула живая волна напряженных тел.

Пораженный ужасом, я увидел, как камни изъеденной жаром вулканической стены задвигались, кренясь вперед, потом назад, потом снова вперед над краем горловины. Движение скальных масс над жерлом кратера распространялось все дальше и дальше, а враги удваивали и утраивали свои усилия и численность. Если им удастся выкорчевать эти тонны крошащегося камня и лавовых корок, думаю я, результат может быть только один. Озеро лавы сметет низкий край кратера и огненным потоком устремится в море, выбрасывая огромное количество пара и кипящей воды. А мы находились менее чем в четверти мили от кратера! «Бродягу», возможно, даже опрокинет и уничтожит вулканический взрыв.

— Гребите назад! Гребите назад!

Отчаянный голос Роджера прорезал рев гейзеров, выводя меня из паралича ужаса.

Я механически потянулся за веслом, понимая, что бежать уже поздно. Мы не смогли бы выбраться из опасной зоны на самом быстром моторном катере, не говоря уже о неповоротливом плоту в мертвом штиле. Наш единственный шанс состоял в том, что дьявольский замысел амфибий окажется не столь смертоносным, как они планировали.

Под объединенными усилиями амфибий первая каменная масса рухнула в жерло вулкана. Поднялась пыль, скрывая ужасную орду и раскачивающиеся каменные башни. Вслед за глухим эхо раздались резкие взрывы от удара каменной лавины о расплавленную лаву. На краю кратера замечались сине-багровые струи огня. Море в считанные секунды превратилось в лес брызгающих водой и паром гейзеров, которые окатили нас мелким жгучим дождем.

На мгновение надежда вспыхнула вновь. Первая небольшая лавина не смогла вызвать серьезное извержение или заставить лаву выступить из берегов. Но затем с внезапностью, заставшей врасплох даже людей-рептилий, огромный участок расшатанных стен рухнул в вихре пыли и вулканического пепла. Склоны начали оседать вниз, осыпаясь с оглушительным ревом. Ужасающие крики амфибий, всецело повинных в этих колоссальных разрушениях, слились с

грохотом падающих камней, и из облака пыли и пара вырвались громадные огненные потоки.

Морская поверхность сотряслась в грандиозном спазме. Инстинктивно я подхватил Уиллу на руки и толкнул ее под планшир, прикрывая ее тело своим. Ослепляющие волны жара и облака пыли обрушились на «Бродягу». Даже камешек, брошенный в вулкан, как известно, способен вызвать извержение, и падение половины западной стены в заполненную лавой пропасть не могло закончиться ничем иным, кроме как страшной катастрофой. Мы были пойманы, как крысы в ловушку; подобно Самсону в противостоянии с филистимлянами, враг обрушил на нас храм и уничтожил сам себя.

Взрыв за взрывом прорывались сквозь шум и визг гейзеров. Грудь моря вздымалась кипящим потоком, поднимая плот и неся его головокружительными кругами. Мы задыхались, хватая ртами воздух. Посыпались камни. Шипение расплавленной породы, падающей в море, походило на пулеметные очереди. Где-то далеко позади я слышал грохот падающих стен — даже вековый гранит сотряснулся и падал от титанических конвульсий пробудившегося вулкана.

Не знаю, как мы пережили первый смертоносный поток лавы. Осколок камня, вылетевший из скрытого паром купола, на миг оглушил меня. Придя в себя, я услышал Роджера: он кричал во весь голос, что мы с невероятной скоростью несемся на север. Быстрое течение, вызванное волнением моря, подхватило нас и повлекло через ад извержения. Когда я с трудом поднялся на колени, ощущая слабость и тошноту, плот качнуло назад, и я упал на безвольное тело Уиллы Энсон. Леденящий страх на мгновение пронзил меня, когда я подумал, что она мертва. Потом я почувствовал, как она зашевелилась и застонала.

— Держитесь! Приливная волна слева! — раздался в хаосе крик Роджера. Тупо глянув вверх, я увидел, как в клубящихся облаках пара вздымается серая стена воды. Не успел я пошевелиться, чтобы защитить Уиллу или себя, как волна накатила на нас, отбросив меня к правому борту и

сметая все с палубы. Ожога я не ощутил — волна была ледяной; по крайней мере, так мне показалось, когда вода соприкоснулась с моей покрытой волдырями кожей. То был поток с юга, еще не разогретый кипящим котлом вулкана.

Вместе с волной на нас обрушился ужасный порыв ветра. Завеса пара мгновенно исчезла — словно чья-то быстрая рука отдернула занавеску. Слева сверкающие вспышки огня освещали склоны потухших кратеров, чьи огромные пасти зияли, как провалы вечности. Берег оказался теперь ниже уровня моря; бурлящая вода поднималась над краями кратеров и потоками, как сотня Ниагар, изливалась в бездонные пропасти.

Уилла закричала от ужаса. Не помня себя от страха, я смотрел на катаклизм, происходящий прямо у меня на глазах. Казалось, нас непременно должна была увлечь за собой эта лавина морской воды, стекавшая в недра земли. Но плот оказался во власти мощного течения, которое унесло нас прочь от огромных водопадов.

Течение увлекало плот на север, вулкан же постепенно отступал на юго-запад. Затем воздушные вихри вновь рассеяли пелену пара над нами, и нас снова ужаснуло зрелище происходящих вокруг разрушений.

Не верилось, что мы когда-нибудь снова вдохнем глоток свежего воздуха. Шипящее, обжигающее море, казалось, готово поглотить последний вздох жизни. Сознание лихорадочно путалось. Мне показалось, что где-то вдалеке я слышал рев динозавров. После над бортом плота на мгновение поднялась склизкая масса, и «Бродяга» сотрясся от столкновения с мертвым морским чудовищем; в следующий миг труп канул в огромную воронку илистого водоворота. Помню еще, как из адского бульона на меня уставились остекленевшие глаза амфибии и снова исчезли в потоке белой обжигающей пены.

И снова волны пара на короткое время рассеялись. Впереди мы увидели испещренные отверстиями, как соты, стены на северной оконечности моря. Течение несло нас к пещерам, выходившим к подземной реке. Справа были проходы, ведущие в подземный каньон, а за ними — кратеры,

куда изливалось море, опустошая само себя.

Туннели, что вели в каньон, означали для нас верную гибель в потоках морской воды, и мы в безумном страхе схватились за весла, сиюсь повернуть плот. Но все наши усилия были напрасны. Мельничные жернова бушующего моря несли нас, куда хотели. Наша судьба была в руках Провидения.

Все ближе и ближе подплывали мы к хмурой стене. Море поднялось на много дюймов, заливая каверны пепельно-серыми потоками и наполовину заполнив проходы, ведущие к подземной реке. На мгновение я испугался, что нас бросит на скалы между входами в пещеры, но потом увидел, что течение несет плот и неисчислимые массы обломков прямо в зияющую фумаролу. Удача снова улыбнулась нам: я узнал туннель, который мы ранее исследовали — он проходил под стеной пещерного мира и вел к руслу подземной реки.

Плот сильно накренился, днище заскрежетало о подводную скалу. Завертевшись, он поплыл бортом вперед и затем медленно выровнялся в потоке бурлящей пены. Я почувствовал дуновение прохладного воздуха, когда свод фумаролы сомкнулся над нами. Темнота окутала нас, как черное облако саж. Грохот падающих скал и шипящей лавы начал отступать, превращаясь в приглушенный басовитый рокот.

ГЛАВА XVI

Мало-помалу мы очнулись от потрясения. Гром извергающегося вулкана и рушащихся стен пещерного мира сменился негромким плеском потока воды, бьющегося о невидимые стены пещеры. Течение вынесло нас по длинной, головокружительной кривой в подземную реку, которую мы опознали, опустив пальцы в воду и затем лизнув их. Надежда на спасение уже не казалась такой невероятной: наши шансы выйти живыми из подземного мира удвоились, когда мы избавились от самой значительной угрозы. Течение, превращенное волнением моря в бурный поток, мог вынести нас к выходу на поверхность или в какую-нибудь неизвестную галерею каверн, которая приведет нас в безопасное место.

— Боб! Уилла! — раздался из давящей со всех сторон темноты хриплый голос Роджера Энсона.

— Я в порядке, — послышался тихий ответ Уиллы. Я в свою очередь сообщил, что ощущаю в себе признаки жизни, хотя и очень слабые.

Мы собрались у мачты «Бродяги» и подползли ближе друг к другу, набираясь храбрости от соприкосновения наших тел и стараясь держаться как можно дальше от темных вод, которые журчали и пенились вокруг потрепанного остова — всего, что осталось от нашего корабля.

«Бродяга» то и дело упирался в мокрые стены подземного канала, пытаясь назад, медленно вращаясь на месте, и снова неся в бесконечные просторы тьмы. Воздух и вода становились все холоднее. Чем дальше мы уплывали от рушащегося пещерного мира, тем меньше ощущался в воде солоноватый привкус. Тишина, свежий воздух и неуклонный напор течения, которое несло нас к гибели или спасению, казались раем после урагана лавы и грохочущего моря. Я невольно гадал, что случилось с амфибиями и чудовищами суши. Неужели все они погибли? Неужели затерянное море полностью исчезло в гигантских жерлах кратеров, куда оно изливалось, пока нас уносило к подземной

реке? Сумели ли сейсмографы далекого верхнего мира уловить эхо катастрофы, извергнувшей нас из пасти ада?

Мы продолжали плыть в бездонном мраке. Течение постепенно замедлялось, хотя все еще оставалось быстрым и сильным; однако опасность столкновения с невидимыми препятствиями уменьшилась. И все же мы боялись, что река в любой момент может гигантским водопадом обрушиться в пропасть. Перед нами была тайна, но позади мы оставили верную смерть и были рады попытать счастья в неизвестности.

В те нескончаемые часы страшного путешествия по подземной реке я рассказал Уилле обо всем, что до сих пор так мужественно скрывал. Безумно счастливый, я узнал, что и она полюбила меня. Все мы, включая Роджера Энсона, чуть не разрыдались — так походило все это на предсмертную исповедь с Роджером в роли священника. Мы торжественно поклялись, что если когда-нибудь доберемся до верхнего мира живыми, никакие деньги никогда не встанут между нами. После всех опасностей, которые мы пережили вместе, моя прежняя сдержанность исчезла: действительно, глупо было так переживать из-за богатства Энсонов.

Мы полностью вверили себя в руки судьбы и дремали на скользкой палубе, когда Роджер заметил впереди проблеск света. Его радостный крик заставил нас привстать. Мы едва могли поверить в то, что видели. Сероватое сияние быстро распространялось вокруг, таинственное, божественно прекрасное для наших изголодавшихся по свету дня душ. Над головой смутно виднелся свод речного канала, поверхность которого блестела, как нефритовое зеркало.

Пошатываясь, мы встали на колени, услышав низкий рев воды, несущейся по камням. Пещеру заливал теперь рассеянный тусклый свет. По мере того, как мы приближались к источнику этого света, подземная река становилась все шире и шире, а свод опускался так низко, что едва не задевал нашу мачту.

Тогда мы поняли, где оказались. Это было дно глубокого каньона, одного из бесчисленных ущелий в системе реки Колорадо.

Изорванные, перепачканные грязью, с бледными, осунувшимися лицами глядя на свет, мы выплыли в узкую, глубоководную речку, свод которой представлял собой не мрачную твердыню гранита, а полосу залитого солнцем неба, окаймленную зубчатыми скалами и уступами. Дневной свет!

Плот понесся вниз по длинному каскаду крутых порогов. Напрягая все силы, мы бешено отталкивались веслами от скал. Казалось, конца не будет этой борьбе со стремительным течением. Но наконец стены каньона расступились, и мы увидели неподвижное пространство воды у широкой, низкой песчаной косы. В последней отчаянной схватке мы посадили плот на мель и, шатаясь, в полном изнеможении ступили на нагретый солнцем песок.

Не помню, как долго мы там пролежали. Но в конце концов мы достаточно оправились, чтобы заняться осмотром самих себя и нашего судна.

Если не считать нескольких синяков и легких ожогов, мы были целы и невредимы. Но больше у нас не осталось ничего. Все снаряжение было смыто с плота — камера, фонари, винтовки, лопаты, тросы. Исчез даже парус: с мачты свешивались лишь обрывки веревок. У нас были только лохмотья вместо одежды и пистолеты за поясом.

Через несколько минут мы выбрались из каньона в совершенно незнакомый нам дикий горный район. Весь остаток дня мы шли пешком и карабкались по скалам в поисках путеводного луча. К вечеру мы оказались в нескольких милях от каньона, откуда вышли и, все еще не понимая, где находимся, улеглись спать на пустой желудок в каком-то ущелье.

Ближе к вечеру следующего дня мы заметили ориентир на тропе, ведущей к Пещере команчей. К тому времени мы потеряли всякое представление о местоположении каньона, в который нас занесло подземным потоком. Но в те часы нам было все равно, вспомним ли мы когда-нибудь прошлое: главным казалось вновь увидеть людей и оживленные городские улицы.

Оборванные, изголодавшиеся, в разохшихся ботинках, едва не падая с ног, мы добрались до Антлерса. Нас встрети-

ли с восторгом: за несколько дней до этого Пит сообщил о нашем исчезновении, и была организована поисковая экспедиция. Излишне говорить, что мы умолчали о наших открытиях в Пещере команчей. Без фотоаппарата и снимков мы ничем не могли подтвердить свою историю, которая казалась слишком дикой и требовала более существенных доказательств, нежели просто слова.

Мы вернулись в Денвер, решив ничего не рассказывать о затерянном мире. И потому та версия нашей одиссеи, что мы поведали друзьям и прессе, была далека от истины, хоть ее и восприняли как таковую.

Когда-нибудь, возможно, мы вернемся в Пещеру команчей и попытаемся найти доказательства подземных чудес или удостовериться, что пещерный мир был до основания разрушен извержением. Но почему-то мы не очень туда спешим. Что касается Уиллы и меня, то мы вполне довольствуемся приключениями, которые можно найти в верхнем мире, и даже упрямый Роджер, любитель рискованных предприятий и ныне мой тесть, никогда не заговаривает о возвращении в ужасные каверны подземных глубин.

Нам не верится и самим, что мы пережили подобное, и мы сочли бы, что воспоминания обманывают нас, не будь одного любопытного и неоспоримого факта. Осторожно наведя справки, мы выяснили, что в день нашего ужасного обратного путешествия из глубин материка сейсмографы всего мира зарегистрировали отчетливые подземные толчки. Как было установлено, эпицентром их являлась местность Миддл-Парк в Скалистых горах.

Опустошило ли себя затерянное море, изливаясь в жерла потухших кратеров во время катаклизма в пещерном мире? Была ли огромная пещера с ее странными пульсирующими огнями и доисторическими чудовищами заполнена выброшенной вулканом лавой? Неужели хитроумные амфибии, эти недостающие звенья эволюционного древа человека, пытаясь уничтожить нас, навлекли погибель на себя и были заживо погребены в древней гробнице времени?

Ответы на эти вопросы я должен оставить на будущее —

если, конечно, они когда-нибудь будут найдены. А тем временем любовь, которую мы с Уиллой Энсон нашли в глубинах Пещеры команчей, должна возместить утраченное наукой чудесное открытие, как и мои утраченные надежды совершить переворот в геологии.

ОБ АВТОРЕ

Ричард Тукер (Tooker, 1902-1988) — американский писатель-фантаст и редактор. Первую НФ-новеллу написал в возрасте 15 лет и опубликовал через семь лет в переделанном виде. С середины 1920-х и до начала 1940-х гг. печатался в «палп»-периодике (*Weird Tales*, *Amazing Tales*, *Wonder Stories*, *Mystery Adventure Magazine*, *Astounding Science-Fiction* и др.), работая во многих поджанрах от историй о вампирах и зомби до палеофантастики, космической оперы и «твердой» НФ. Фантастическое наследие Тукера сравнительно невелико и состоит из трех романов и ряда повестей и рассказов. Объясняется это тем, что в 1930 г. в связи с Великой депрессией и семейными обязательствами писатель был вынужден открыть литературное агентство, занимавшееся редактурой и подготовкой к печати рукописей других авторов; выступал Тукер и как «литературный негр». После Второй мировой войны как фантаст вышел из моды (хотя и сумел в 1953 г. напечатать новеллу в *Science Fiction Plus*) и работал в других жанрах.

Повесть *Гробница времени* (*The Tomb of Time*) была впервые опубликована в мартовском номере *Amazing Stories* за 1933 г. с илл. Л. Мори (на фронтиспise). Затем автор переработал и расширил повесть — что едва ли пошло произведению на пользу — и в 1936 г. опубликовал новую версию как роман *Inland Deep*.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.